

Московский государственный университет имени
М. В. Ломоносова
Литовский эдукологический университет
Институт литовского языка ЛАН
Даугавпилсский университет
Ассоциация балтистов

Международная научно-практическая конференция
Tarptautinė mokslinė praktinė konferencija
Starptautiska zinātniski praktiska konference

БАЛТИЙСКИЕ ЯЗЫКИ И ЛИТЕРАТУРЫ В ИСТОРИИ И
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

BALTŲ KALBOS IR LITERATŪROS ISTORIJOJE IR
DABARTYJE

BALTU VALODAS UN LITERATŪRAS PAGĀTNĒ UN
MŪSDIENĀS

ТЕЗИСЫ ТЕЗЭС ТĒZES

7–9 ноября 2013 г.

Москва, Московский государственный университет имени
М. В. Ломоносова

edukologija
Москва
Вильнюс
2013

Программный комитет конференции:

Председатель – д. ф. н., проф. М. Л. Ремнева (МГУ имени М. В. Ломоносова)

Члены:

др., проф. Йоланата Забарскайте (Институт литовского языка ЛАН)

др., проф. Гинтаутас Кундротас (Литовский эдукологический университет)

др., проф. Вилия Салене (Литовский эдукологический университет)

д. ф. н., проф. М. Ю. Сидорова (МГУ имени М. В. Ломоносова)

к. ф. н., доц. Ольга Синёва (МГУ имени М. В. Ломоносова)

др. Светлана Полковникова (Даугавпилский университет)

Организационный комитет конференции

Председатель – д. ф. н., проф. М. Л. Ремнева (МГУ имени М. В. Ломоносова)

Члены:

д. ф. н., проф. Л. А. Дунаева (МГУ имени М. В. Ломоносова)

к. ф. н., доц. Г. Е. Кедрова (МГУ имени М. В. Ломоносова)

к. ф. н., доц. О. В. Синёва (МГУ имени М. В. Ломоносова)

Ирита Саукане (Даугавпилский университет)

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета филологического факультета Литовского эдукологического университета и МГУ имени М. В. Ломоносова

Языки конференции: русский, английский, литовский, латышский

© Lietuvos edukologijos universiteto

ISBN 978-9955-20-890-7

leidykla, 2013

TURINYS

Марина Леонтьевна Ремнёва ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ БАЛТИСТИКИ В МГУ ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА.....	7
Irena Buckley TAUTINIO IDENTITETO VIRAŽAI XIX-OJO AMŽIAUS LIETUVOJE	9
Михаил Алексеевич Бредис ДЕНЕЖНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ПАРЕМИЯХ В СВЕТЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, ЛАТЫШСКОГО, ЛИТОВСКОГО, НЕМЕЦКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)	11
Laimutė Bučienė TIKSLO (PASKIRTIES) NAUDININKAS IR OBJEKTO GALININKAS SU BENDRATIMI: NORMINIMO YPATUMAI	16
Ramūnas Čičelis AMŽINOJO SUGRĮŽIMO MITAS JONO MEKO FILME „PRISIMINIMAI IŠ KELIONĖS Į LIETUVĄ“	18
Йовита Даукшите СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ПАРАДИГМА РКИ И ЛИТОВСКОГО ЯЗЫКА: НА ПРИМЕРЕ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК	19
Мария Евтеева МОДЕЛИРОВАНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ШИРОКОЗНАЧНОГО ГЛАГОЛА (НА МАТЕРИАЛЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ГЛАГОЛОВ DARĪT И TAISĪT)	22
Синтия Фреймане ОТНОШЕНИЕ МОЛОДЁЖИ ЛАТВИИ К ЛАТЫШСКОМУ ЯЗЫКУ КАК К РОДНОМУ И КАК К ГОСУДАРСТВЕННОМУ ЯЗЫКУ	28
Anželika Gaidienė LIETUVIŲ KALBOS GĖRIMO VEIKSMAŽODŽIŲ SINONIMŲ EILIŲ SEMANTINIAI RYŠIAI	30

Jurgita Girčienė THE CHANGE OF THE FORMS OF ADDRESS IN LITHUANIAN LANGUAGE.....	32
Наталья Голембовская АНТИНОМИЯ КАК ПРИНЦИП ОРГАНИЗАЦИИ РУССКИХ И ЛИТОВСКИХ ПАРЕМИЙ	34
Asta Gustaitienė LIETUVIO IR LIETUVOS ĮVAIZDIS XX A. PABAIGOS – XXI A. PRADŽIOS POPULIARIOJOJE VAKARŲ LITERATŪROJE	37
Angelika Juško-Štekele AUTOSTEREOTIPS <i>LATGALIETIS</i> LATGALIEŠŲ FOLKLORĀ...39	
Gražina Skabeikytė-Kazlauskienė LIETUVIŲ VAIKŲ FOLKLORO TENDENCIJOS XX A. PABAIGOJE – XXI A. PRADŽIOJE	40
Евгений Киров, Йовита Русецкая НЕКОТОРЫЕ ЭКВИВАЛЕНЦИИ В РУССКОЙ И ЛИТОВСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ С СОМАТИЗМАМИ	42
Асия Ковтун РУССКАЯ И ЛИТОВСКАЯ СВАДЕБНАЯ ОБРЯДОВАЯ ПЕСНЯ: СЕМАНТИЧЕСКИЕ КОНТУРЫ КАРТИНЫ МИРА	47
Žydronė Kolevinskienė UŽMIRŠTAS LINGVISTAS: PETRO KRIAUČIŪNO KALBINIAI, KULTŪRINIAI RYŠIAI	49
Анастасия Костюченко (М.А.) УСТАНОВКИ МОЛОДЁЖИ ЛИТВЫ ПО ОТНОШЕНИЮ К ЛИТОВСКОМУ, ПОЛЬСКОМУ И РУССКОМУ ЯЗЫКАМ.....	51
Dalia Kuizinienė TAUTINĖS TARATYVĖS TRANSFORMACIJOS NAUJAUSIOJE LIETUVIŲ LITERATŪROJE	53
Гинтаутас Кундротас СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ ИНТОНАЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Ю.ИВАНАУСКАЙТЕ «КРЕПОСТЬ СПЯЩИХ МОТЫЛЬКОВ»).....	54

Екатерина Мешерякова ЕВАНГЕЛИЕ ПОЛЬСКОЕ И ЛИТОВСКОЕ ИОНАСА ЯКНАВИЧЮСА 1647 Г.: К ВОПРОСУ О НЕСКОЛЬКИХ СЛАВЯНИЗМАХ.....	58
Aurelija Mykolaitytė ISTORINĖ ATMINTIS ŠIUOLAIKINĖJE LIETUVIŲ DRAMATURGIJOJE.....	61
Евгения Назарова РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛАТЫШСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ.....	63
Justina Petrulionytė LIETUVIŲ MIGRANTŲ PROZA: LIETUVIŠKO TAPATUMO ŽENKLAI K. BARĖNO <i>DVIDEŠIMT VIENA VERONIKA</i> IR A. FOMINOS <i>MES VAKAR BUVOM SALOJE</i>	66
Sigita Rackevičienė, Liudmila Pogožilskaja CERTAIN ASPECTS OF FORMATION OF CONSTITUTIONAL ONE-WORD TERMS IN LITHUANIAN AND ENGLISH	68
Svetlana Polkovņikova GRAMMATICALIZATION AND LEXICALIZATION IN SPEECH ACTS NOMINATION: THE CONTRASTIVE ASPECT	70
Vilija Salienė LIETUVIŲ KALBOS MOKYMO IŠTAKOS	72
Irita Saukāne DAŽAS OKAZIONĀLISMU IEZĪMES LATVIJAS PRESES TEKSTOS	74
Мария Семенова РОЛЬ И ФУНКЦИИ КОНЦЕПТА «ИНАКОВОСТИ» В ЖЕНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ЛАТВИИ И ФИНЛЯНДИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ.....	77
Ольга Владимировна Синёва ОБРАЗ АВТОРА И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СУБЪЕКТНЫХ СФЕР АДРЕСАНТА И АДРЕСАТА ПИСЕМ В РОМАНЕ Р.ГАВЯЛИСА «JAUNO ŽMOGAUS MEMUARAI».....	79

Inese Suhane IDENTITĀTE PĒCATMODAS POSMĀ: ALBERTS BELS UN SERGEJS PIČUGINS	81
Ilga Šuplinska LATGALES LINGVOTERRITORIĀLĀS VĀRDNĪCAS LOMA LATGALISTIKAS PĒTĪJUMOS	83
Галина Сырница РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТОВ «УМ (GUDRĪVA) – ГЛУПОСТЬ (MUĻĶĪVA)» В ПАРЕМИЯХ РУССКОГО, ЛАТЫШСКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ	86
Inguna Teilāne SEMANTIC PECULIARITIES OF EMOTIVE WORDS IN THE “DICTIONARY OF KALUPE SUB-DIALECT”	88
Фанна Анфимовна Тимошенко ПОЭТИЧЕСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КЛЮЧЕВЫМИ СЛОВАМИ ЧАША-ВИНО В ПОЭТИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ РУССКОГО И ЛАТЫШСКОГО СИМВОЛИЗМА (НА ПРИМЕРЕ СТИХОТВОРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ВАЛЕРИЯ БРЮСОВА И ЭДВАРТА ВИРЗЫ).....	90
Kristina Vaisvalavičienė TAUTINĒS TAPATYBĒS KONSTRĀVIMAS LIETUVIŲ IR LATVIŲ VAIKŪ ŽURNĀLUOSE (1920–1944).....	94
Gintarė Vaitonytė KAUNAS HENRIO PARLANDO EILĒRAŠČIUOSE	96
Vijolė Višomirskytė MAIRONIO KAIP <i>GENUS LOCI</i> VAIZDINYS LIETUVIŲ ESEIŠTŲ KŪRYBOJE IR J. BRODSKIO <i>LIETUVIŠKAME</i> <i>DIVERTISMENTE</i>	97
Indrė Žakevičienė TAPATUMO PROBLEMA EKOKRITIKOS IR BIOREGIONALIZMO ASPEKTU	98

Марина Леонтьевна Ремнёва
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ БАЛТИСТИКИ В МГУ ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА

Балтийские языки вызвали интерес учёных уже в XVIII веке. Этому, как известно, предшествовало внимание античных историков к северо-восточной Европе и ренессансная компаративистика. Однако если причиной внимания к Балтии в период XV–XVI веков было язычество, обычаи литовцев, их языческие обряды, то в XVIII веке именно балтийские языки вызывают исследовательский интерес. И здесь нельзя не упомянуть деятельность Михаила Васильевича Ломоносова – учёного, имя которого носит Московский государственный университет. Его опыт описания лингвистических внутривалтийских связей, а также связей между славянскими и балтийскими языками был первым в истории мировой лингвистики и дал толчок будущим глубоким изысканиям в этой области.

История становления и утверждения сравнительно-исторического языкознания связана во многом с изучением литовских и латышских диалектов, этнографии. Со второй половины XIX века балтистика в Московском университете начинает развиваться особенно бурно: высок интерес лингвистов, специалистов сравнительно-исторического языкознания, к грамматике литовского языка. П.Я. Петров, заведующий кафедрой сравнительной грамматики индоевропейских языков в 1863 г., в своих лекциях регулярно обращался к литовскому языку, как самому архаичному из живых языков индоевропейской семьи. Активными исследователями в области литуанистики

стали Ф.Ф. Фортунатов, А.А. Шахматов и их продолжатели: Д.Н. Ушаков, Г.К. Ульянов, Н.Н. Дурново, М.М. Покровский, В.Н. Щепкин, В.К. Поржезинский, Г.О. Винокур.

Традиции сравнительно-исторического языкознания Московского университета широко известны. В советские годы несколько десятилетий на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова литовский язык в аспекте индоевропейистики преподавала М.Г. Нецецкая, в настоящее время – О.В. Синёва. Огромный вклад в развитие баллистики внесли учёные РАН В.Н. Топоров, В.В. Иванов, О.Н. Трубочёв, Т.В. Булыгина. Отдельный том энциклопедической серии «Языки мира» посвящён балтийским языкам.

Таким образом, интерес к баллистике как науке в России никогда не угасал. Девяностые годы XX века продиктовали новые условия для развития российской науки в целом и баллистики в частности. Социально-культурная ситуация в России и в мире обусловила яркую практическую направленность интереса к иностранным языкам, среди которых оказались литовский и латышский языки. Наступило время, когда стала необходима такая структурная единица как Центр баллистики, который учреждён на филологическом факультете в октябре 2008 г.

Основные цели деятельности Центра сегодня – это поддержание и развитие научных традиций МГУ имени М.В. Ломоносова в области баллистики. Среди важнейших задач – профессиональная подготовка студентов, подготовка научных кадров и повышение их квалификации; популяризация научного знания в области баллистики, организация просветительской деятельности среди школьников молодёжи, и всех тех, кого интересуют литовский и латышский языки, литературы, культуры (в современности и в истории), развитие сотрудничества в области баллистики между учёными и научными организациями России, Литвы и Латвии, а также других стран, в которых

развивается баллистика. Так, баллистика становится объектом внимания на многих конференциях, проводимых на филологическом факультете МГУ (Международный симпозиум «Славянские языки и культуры» 2009 и 2011 г.г., Международная конференция молодых учёных «Ломоносов» 2009-2013 г.г.)

Неоднократные за последние пять лет визиты в МГУ делегаций правительственного уровня, ректоров вузов из Литвы, Латвии и официальные встречи с ректором академиком В.А. Садовничим свидетельствуют о неугасающем международном сотрудничестве в сфере образования и науки. Российская и литовская стороны по-прежнему развивают сотрудничество по разным направлениям, хотя основная часть контактов с балтийскими университетами связана с филологическим факультетом, где осуществляется ряд совместных научных проектов. Расширение научно-образовательных связей укрепляет добрососедские отношения между нашими странами.

*Irena Buckley
Vytauto Didžiojo universitetas
Kaunas, Lietuva*

TAUTINIO IDENTITETO VIRĄŽAI XIX-OJO AMŹIAUS LIETUVOJE

Tautiniai sąjūdžiai, romantinių idėjų plitimas XIX a. Europoje aktualizavo nacionalinio charakterio ypatumų svarstymus. Vieningą modelį buvo sunku atrasti – dažnai pabrėžiamos skirtingų požymių dominantės. Lietuvoje susiformuoja dvejopa tautos būdo samprata: daukantiškoji herojinė ir Liudviko Rėzos lyrinė.

Įvairialypė tautinė savimonė XIX a. Lietuvoje remiasi keletu tapatybės komponentų. Abejonių nekelia lietuviškumas, pagrįstas

lietuvių kalbos vartoseną. Nekalbantys lietuviškai, vadinamieji senlietuviai, prisiima pilietinį valstybės tapatumą. Nuo XIX a. vidurio vis labiau pabrėžiama, jog tautinė tapatybė remiasi etnokultūriniais, lingvistiniais požymiais. Didelė dalis lietuvių kilmės gyventojų, nekalbančių lietuviškai, neatitinka naujųjų tautiškumo kriterijų. Kinta požiūris į Lietuvos lenkus, save laikiusius skirtingais nuo Karūnos lenkų, pabrėžusius savo lietuvišką kilmę ir prierašumą LDK tradicijoms. Sulenkėjusi bajorija pamažu atplėšiama nuo tautos kamieno kaip svetimasis elementas. Tačiau tokios tautinio „grynumo“ paieškos neatspindi tikrosios padėties. Dalis bajorų patys susitapatina su tautine mažuma, dalis (K. Skirmuntaitė, M. Riomeris, L. Giedraitytė. T. Vrublevskis ir kt.) aktyviau deklaruoja savo lenkakalbį lietuviškumą. Svarbiu tautinės tapatybės komponentu Lietuvoje išlieka religinė priklausomybė.

Tautinis identitetas nėra pastovus dydis. Jis gali kisti veikiamas kontaktų su kitomis tautomis. Svarbiausi XIX a. Lietuvoje buvo ryšiai su lenkiškąja savivoka bei kultūra. Tautinį identitetą veikė ir prancūziškieji kontaktai. Elitinei kultūrai priimtina ir natūrali atrodė, anot V. Kubiliaus, XIX a. pradžioje Lietuvos mokyklose ir dvaruose vyravusi prancūzų klasicizmo dvasia.

Lietuvoje buvo nedaug asmenų, save siejusių su prancūziškąja tapatybe. Glaudesni ryšiai atsirasdavo dėl vedybų. Prancūziškieji kontaktai nesukeldavo nei provincialų kompleksų, nei paniekos kuklesnei Tėvynei. Atvirkiškieji, dažnai stiprino patriotinį jausmą ir padėjo suvokti savo tautinį identitetą. Kosmopolitinę Lietuvos diduomenės laikyseną atspindėjo išorinio gyvenimo atributika, kultūriniai poreikiai, skonio kriterijai, dažnos kelionės po Europą, o ne esminiai identiteto svarstymai.

Tačiau identiteto problemos lėmė tai, kad prancūziškosios kultūros apraiškos patriotiškai nusiteikusiai Lietuvos šviesuomenei kartais atrodė pavojingos. Formavosi stereotipinis prancūzų kultūros, pavojingos netvirtiems jauniems Lietuvos inteligentams,

siekiantiems išsiveržti iš kaimo, vertinimas. Prancūziškojo gyvenimo būdo perkėlimas į agrarinę Lietuvą daug kam atrodo ne tik pasišaipymo vertas, bet ir pražūtingas, kaip ir kitos svetimos įtakos.

Михаил Алексеевич Бредис
отраслевое издание Unipack.ru, главный редактор
Москва, Россия

ДЕНЕЖНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ПАРЕМИЯХ В СВЕТЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, ЛАТЫШСКОГО, ЛИТОВСКОГО, НЕМЕЦКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

Лингвокультурология, изучающая язык как явление культуры, исходит из антропоцентрической парадигмы в современном языкознании, анализирующей видение мира через национальные языки. В паремиях, как отмечает Т. Е. Владимирова, сфокусированы ценностные основания межличностного речевого общения [Владимирова 2010: 77]. О. Лаухакангас называет паремии «традицией малого жанра» (small size tradition) [Lauhakangas 2010]. Традиция – это сохранившаяся память культуры народа. Будучи по природе текстами, обладающими функциями передачи информации из поколения в поколение, паремии входят в состав культурной памяти, представляющей собой «имплицитно существующую базу данных нашего этноязыкового сознания, которая может в любой момент обновиться в настоящем и заиграть калейдоскопом коннотаций» [Алефиренко 2012: 99].

Цель данной работы состоит в проведении сопоставительного лингвокультурологического анализа русских, латышских, латгальских, литовских, немецких и английских пословиц, относящихся к семантическому полю «деньги» и отражающих денежные отношения в паремиологической части национальных картин мира.

Применительно к паремиологии мы можем использовать нечто подобное семантическому примитиву (элементарным смыслам) А. Вежбицкой [Вежбицкая 2001: 51], а именно базовые семантические модели, которые позволяют сопоставлять паремии разных языков. Это нечто вроде перевода, по выражению А. Крикманна, на некий непоэтический метаязык [Krikmann 1984].

Нам представляется, что подобному лаконичному переводу на метаязык близко понятие *пословичного конденсата*, предложенное Е. И. Селиверстовой. Она пишет: «...двухкомпонентное (реже – трехкомпонентное) безобразное выражение, отражающее в конденсированном (от *condensatus* – лат. *уплотненный, сгущенный*) виде значение пословицы, мы называем пословичным конденсатом. Он передает в сжатом виде – без прикрас – смысл, который традиционно паремийным способом передается не иначе, как „с прикрасами“» [Селиверстова 2009: 132]. Мы придерживаемся понимания Е. В. Селиверстовой относительно конденсированного значения пословицы, используя его для сопоставления и подразумевая под ним лаконичную семантическую модель, семантическую структуру, иными словами, некий «сухой остаток» после «деметафоризации» паремий.

В данной работе рассматривается отражение в паремиях семантического поля «деньги», а также ценностей и отношений, связанных с ними. В паремиях отражаются отношения людей между собой по поводу денег, а также отношение людей к день-

гам. Во всех рассматриваемых языках имеется группа паремий, связанная со свойством денег находиться рядом с деньгами. Здесь наблюдается значительное сходство. Это русские варианты: *деньга на деньгу набегают; деньги к деньгам идут (льнут); деньга деньгу наживает*. Им соответствуют лит. *pinigas pinigą pelno* (деньги зарабатывают деньги); латышск. *nauda pelna naudi, nabadzība dzen nabadzībā* (деньги зарабатывают деньги, бедность вгоняет в бедность); нем. *Geld ist gern bei Geld* (деньги охотно пребывают с деньгами). Английских вариантов несколько: *money begets money* (деньги рожают деньги); *money gets money* (деньги добывают деньги); *money would be gotten, if there were money to get it with* (деньги будут добыты, если есть деньги, чтобы их добыть); *money draws money* (деньги притягивают деньги).

Рассмотрим эквиваленты пословиц, отражающих семантику «друг (друзья) дороже денег». У русской пословицы *не имей сто рублей, а имей сто друзей* имеется полный эквивалент (смысловой и грамматический) в латгальском языке: *nātur symtu rubļu, tūr symtu draugi* (не имей сто рублей, а имей сто друзей). Эта пословица, в свое время зафиксированная Стефанией Ульяновской, вероятнее всего представляет контактную параллель, заимствование из русского языка, так как в ней полностью повторяется даже грамматическая структура русской паремии. Та же семантика объединяет латышские пословицы *labāk simtu draugi, nekā simtu rubļi* (лучше сто друзей, чем сто рублей); *lai tev nav simts rubļi, bet lai ir simts draugi* (пусть у тебя не будет ста рублей, но пусть будет сто друзей); латгальскую *lobōk symtu draugi, nakaī symtu rubļi* (лучше сто друзей, чем сто рублей).

Следующие балтийские пословицы выражают то же значение без указания количества: лит. *neturėk pinigų, bet turėk gerų draugų* (не имей денег, а имей хороших друзей), латышск. *kat draugi, tas bagāts* (у кого друзья, тот богат), латгальск. *kat draugi, tys bogōts* (у кого друзья, тот богат). Использование в латышских

и латгальских пословицах понятия *рубли* в значении *деньги*, *богатство* объясняется историческими условиями и длительным периодом, когда российские денежные единицы имели хождение на территории современной Латвии. Естественно, что наряду с рублями, копейками и немецкими грошами в ряде латышских и латгальских паремий о деньгах фигурируют и денежные единицы Латвийской Республики – латы и сантимы, а в литовских – литы и центы.

Немецкий эквивалент, наиболее близок по семантике к указанной русской пословице: *wo viel Freund sind, do ist auch Geld* (*где много друзей, там и деньги*). Здесь не отмечается количество денег и друзей, но и русская пословица основана на синекдохе (от греч. «соподразумевание»), где *сто рублей* выступает лишь как *pars pro toto* (*часть вместо целого*) понятия *богатства*, *большого количества денег*, а *рубли* – в значении денег вообще. Другая немецкая пословица вместо обозначения денежных единиц, как в русской пословице, метонимически использует понятия *серебро* и *золото* в значении *деньги*, *богатство*: *Freunde sind über Silber und Gold* (*друзья превыше серебра и золота*). Этот же образ используется в литовской пословице *draugas išbandytas už auksą brangesnis* (*испытанный друг дороже золота*).

Английским эквивалентом русской пословицы *не имей сто рублей, а имей сто друзей*, на наш взгляд, служит *they are rich who have true friends* (*те богаты, у кого есть верные друзья*).

Другие английские эквиваленты русской паремии являются неполными по смыслу (отличающимися образами): *a friend in court is better than a penny in purse* (*друг при дворе лучше, чем пенни в кошельке*); *a friend in the market is better than money in the chest* (*друг на рынке лучше, чем деньги в сундуке*).

Русские, латышские, литовские, немецкие и английские паремии, отражающие семантику понятия «деньги», в целом, обнаруживают больше сходства, чем различий. Наибольшее

сходство с русскими паремиями предсказуемо обнаруживают балтийские (литовские, латышские и латгальские), поскольку речь идет о языках ближайшей к славянским группы. Кроме того, важными факторами являются соседство и общая история народов. При этом особенный интерес представляют различия в образности паремий, показывающие различия в менталитете.

Между немецкими и английскими пословицами также часто обнаруживается сходство. Здесь играют роль культурные и географические факторы, а также принадлежность немецкого и английского языков к общей (германской) группе языков. При этом многие немецкие пословицы используют сходную с русскими семантику, что может говорить о сходстве условий исторического развития. Английские паремии семантически наиболее далеко отстоят от русских, что соответствует и взаимной географической удаленности, и удаленному родству русского и английского языков.

Во всех рассматриваемых языках пословицы используют тропы как средство образности, в частности – олицетворение. Следует отметить, что английские пословицы в значительно меньшей степени украшены метафорами и насыщены экивоками, чем русские, они скорее напоминают рациональные советы.

Литература

1. **Алефиренко 2012**– *Алефиренко Н. Ф.* Текст и дискурс: учеб. пособие для магистрантов / Н. Ф. Алефиренко, М. А. Голованева, Е. Г. Озерова, И. И. Чумак-Жунь. - М.: Флинта, Наука, 2012. – 232 с.
2. **Вежбицкая 2001** – *Вежбицкая А.* Понимание культур через посредство ключевых слов / Пер. с англ. А. Д. Шмелева. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с. – (Язык. Семиотика. Культура. Малая серия).
3. **Владимирова 2010** – *Владимирова Т. Е.* Призванные в общение: Русский дискурс в межкультурной коммуникации. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Либроком, 2010. – 304 с.

4. **Селиверстова 2009** – *Селиверстова Е. И.* Пространство русской пословицы: постоянство и изменчивость. – СПб.: ООО «МИРС», 2009. – 270 с.
5. **Krikmann 1984** – *Krikmann A.* 1001 Frage zur logischen Struktur der Sprachwörter / / Semiotische Studien zum Sprichwörter. Simple Forms Reconsidered I. Special issue of Code. *Ars Semiotica. An International Journal of Semiotics.* Vol.7, №3/4 (1984). pp.387-408.
6. **Lauhakangas 2010** – *Lauhakangas Outi.* Paremiological correspondence and its after-thoughts. – *Folklore*; Sep 2010, Vol. 46. Estonian Literary Museum and Estonian Folklore Institute 2010. Электронная версия. <http://www.folklore.ee/folklore/authors/louti.htm>

Laimutė Bučienė
Lietuvos edukologijos universitetas,
Vilnius, Lietuva

TIKSLO (PASKIRTIES) NAUDININKAS IR OBJEKTO GALININKAS SU BENDRATIMI: NORMINIMO YPATUMAI

Lietuvos edukologijos universiteto Lietuvių kalbotyros ir komunikacijos katedra vykdo Valstybinės lietuvių kalbos komisijos remiamą projektą „Lietuvių kalbos sintaksės normų ir rekomendacijų santykio su dabartine vartoseną tyrimas“. Projektu siekiama atskleisti įvairių sintaksės reiškinių norminimo raidą, palyginti dabartinės bendrinės lietuvių kalbos sintaksės kodifikaciją su realiaja vartoseną, nustatyti ir įvertinti vartosenoje funkcionuojančių raiškos priemonių konkurenciją.

Remiantis kalbininkų taisymais ir rekomendacijomis, norminamaisiais darbais pranešime apžvelgiama tikslo (paskirties) naudininke ir objekto galininke su bendratimi konstrukcijų norminimo ir kodifikavimo tradicija, normų raidos ypatumai.

Dėl tikslo (paskirties) naudininke ar objekto galininke su bendratimi vartojimo lietuvių kalbotyroje yra plačiai diskutuota. Pirmasis naudininke junginius su bendratimi, jų varto-

jimą tikslo reikšme yra nusakęs J. Jablonskis „Linksniuose ir prielinksniuose“. Ir vėliau šių konstrukcijų vartojimas sulaukė normintojų žvilgsnio. Keliamas pagrindinis klausimas: ar galima naudininką su bendratimi vartoti tokia sakinyje, kuriame nėra daiktavardžio, reiškiančio priemonę tam tikslui pasiekti? J. Balčikonis teikė vartoti tik tas naudininko su bendratimi konstrukcijas, kurios sakomos su daiktavardžiais, reiškiančiais priemonę tam tikslui pasiekti. Tokią poziciją palaikė ir V. Būda, siūlydamas naudininko su bendratimi taisyklingumą nustatyti transformacijų būdu. V. Ambrazo nuomone, be reikalo siekiama apibrėžti, kada vienas ar kitas daiktavardis gali, o kada negali reikšti įnagio ar priemonės.

Iš kalbininkų svarstymų ir taisyčių matyti, kad nustatyti ribas tarp tikslo (paskirties) naudininko ir objekto galininko su bendratimi junginių reikšmių nėra lengva. Iš esmės sutariama, kad naudininko konstrukcija su bendratimi reiškia tam tikro daikto, kaip bendraties veiksmo atlikėjo ar įrankio, paskirtį, tam tikrais atvejais – bendraties veiksmo vietą ar laiką. Praplėtus J. Balčikonio priemonės supratimą, šiandien sutinkama, kad naudininko vartojimo norma nėra tokia griežta ir kad visų su abstrakčios reikšmės daiktavardžiais pavartotų naudininkų taisyti nereikia („Kalbos patarimai“ S1). Daugiausiai sunkumų kyla norint apibrėžti, kada vienas ar kitas daiktavardis gali reikšti įnagį ar priemonę (vartojamas naudininkas), o kurie daiktavardžiai negali (vartojamas galininkas).

Taigi skirtingi vertinimai, įvairios diskusijos ir rekomendacijos rodo, kad naudininko ir galininko su bendratimi taisyklingo vartojimo kriterijai ligi šiol nėra aiškūs ir aptariamųjų konstrukcijų norminimo problema neišspręsta.

AMŽINOJO SUGRĮŽIMO MITAS JONO MEKO FILME „PRISIMINIMAI IŠ KELIONĖS Į LIETUVĄ“

Pranešime mito kritikos metodologiniu pagrindu (remiantis Mircea Eliade teiginiais apie archetipo kartotę kaip sugrįžimą) analizuojamas 1972 metais Jono Meko sukurtas filmas „Prisiminimai iš kelionės į Lietuvą“. Šiame kūrinyje užfiksuoti kadrai, nufilmuoti pirmojo Jono Meko apsilankymo sovietų okupuotoje Lietuvoje metu. Pagrindinis dėmesys pranešime telkiamas į J. Meko kaip sugrįžtančiojo patirties unikalumo ir galimos kartotės santykius. Patirties unikalumas pranešime traktuojamas kaip užmaršties sąlyga, o kartotė – kaip sureikšminimo (vieną kart lankyta vieta ar išgyventas įvykis yra nereikšmingas, greitai pamirštamas) ir amžinumo priežastis. Amžinasis sugrįžimas į Lietuvą ir kognityviniame, ir pragmatiniame lygmenyje rodomas kaip chronotopas: J. Mekas vyksta į gimtuosius Biržus, ten sutinka savo artimuosius – naratyvusis pasakojimas konstruojamas pagal chronologinio laiko eigą ir erdvės kitimą filmuojančiajam keliaujant Lietuvoje. Filmo montažo procesas ir rezultatas – tai dar vienas sugrįžimo lygmuo, būtent jame ir suformuojamas pasakojimas iš, regis, padrikų vaizdų, sukuriama vizualioji stilistika kaip kartotės raiškos instrumentas.

Filmo „Prisiminimai iš kelionės į Lietuvą“ analizės literatūrinis kontekstas – J. Meko poezijos rinkinys „Semeniškių idilės“. Verbaliniuose tekstuose kalbantysis prabyla taip, lyg niekad nebūtų palikęs gimtųjų vietų. J. Meko išėjimas ir grįžimas į Lietuvą analizuojamas biblinio „sūnaus palaidūno“ archetipo kontekste.

Pranešime taip pat kalbama apie J. Meko požiūrį po 40 metų į tuometinį savo sugrįžimą. Pranešimo pabaigoje apibendrinama, kad J. Mekas ir minėtame filme, ir kitoje savo kūryboje bei jos komentaruose patvirtina, kad amžinasis sugrįžimas yra atsakomybės už save ir kitą pagrindas, nuo savo vaikystės, jos aplinkos pabėgti neįmanoma – namai internalizuojami pirmaisiais gyvenimo metais. Šiuo požiūriu, vaikystės archetipas J. Meko kūryboje yra viena universaliausių kategorijų. Filmo „Prisiminimai iš kelionės į Lietuvą“ ir poezijos rinkinio „Semeniškių idilės“ autoriaus praeitis – tai ateities projekcija. Sugrįžimo momente skleidžiasi J. Meko išgyvenamas šventybės laikas: praeitis sąlygoja dabartį, kuri nulemia ateitį. Neišsižadėjęs praeities egzilas įgauna teisę į moralinį ir psichinį vientisumą – J. Mekas tampa žmogumi, galinčiu papasakoti vientisą savo praeities istoriją, kurios dirbtinai neracionalizuoja, sukurdamas ypatingą empatiško žiūrovo santykio su vizualiuoju tekstu galimybę, kuri realizuojama emocijų, nuotaikų raiškos plane. J. Meko avangardas – tai grįžimas į pačią pradžių pradžią, kurią modernybės žmogus yra pamiršęs ir nuslopinęs savyje, nes yra draskomas vidinių prieštaravimų.

Йовита Даукушите
Университет и.м. Витаутаса Великого
Каунас, Литва

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ПАРАДИГМА РКИ И ЛИТОВСКОГО ЯЗЫКА: НА ПРИМЕРЕ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК

Становление личности студента средствами РКИ, воспитание у него речевой культуры, формирование навыков межкультурной коммуникации и социокультурных навыков

становится актуальным при использовании коммуникативно-ориентированного метода, в основе которого лежит широкое применение типичных коммуникативных ситуаций речевого общения. Обучать РКИ в вузе следует в тесной связи с лингвоэтнокультурой народа и на базе этой культуры, причем факты и сведения самого языка должны рассматриваться как часть всеобщей мировой культуры в преломлении лингвоментальности народа-носителя языка. В различных культурах есть общее из того, что создано в каждую историческую эпоху человеческим обществом в науке и искусстве, общественной жизни и нравах, обычаях и традициях, но есть и специфическое, своеобразное. В семантике каждого естественного языка, в его системной организации и речевых реализациях воплощены духовные богатства мира, и язык народа отражает мир через призму человеческих поступков, отношений, мотивов и интересов. Материалом для обучения базовым видам речевой деятельности должны служить тексты лингвострановедческой тематики, насыщенные интеркультурным компонентом, а сам процесс обучения должен ставить перед собою цель – познание и приобщение к культуре изучаемого иностранного языка (РКИ).

Цель сообщения – осветить проблему литовскоязычного социокультурного фона, влияющего на развитие коммуникативной компетенции при изучении русского языка как иностранного на примере литовских пословиц и поговорок. Сопоставительный анализ русских и литовских пословиц и поговорок может служить материалом лингвокультурного метода обучения РКИ, а также служить методом развития навыком межкультурного общения и межкультурной коммуникации. Анализируя некоторые литовские пословицы и сопоставляя их тематическое значение с русскими пословицами, можно утверждать, что и литовские пословицы несут тот же смысло-

вой характер межличностных отношений, что и русскоязычные пословицы. Для литовскоязычных студентов, изучающих русский язык как иностранный, анализ этого материала может служить одним из дидактических методов обучения иностранному языку, через познание и анализ межличностных отношений родной культуры и культуры изучаемого языка. Когда студент, изучающий РКИ, соприкасается с материалом, в котором опознает знакомые ему явления, такой материал служит эффективным методом приобщения к культуре изучаемого языка и к самому изучаемому языку. Сравнивая русские и литовские пословицы и поговорки можно отметить такое языковое явление, как полное совпадение грамматических и лексических форм, а также совпадение назидательного и поучительного смыслового значения. Наиболее обширная по численности совпадений грамматических и лексических форм оказалась группа «о человеке судят по делам и поступкам». Например: *Viščiukus rudeni skaičiuoja / Цыплят по осени считают; Ylos maiše nepaslėpsi / Шила в мешке не утаишь; Ant vagies ir kepurė degal / На воре и шапка горит; Pagal Joną ir kepurė / По Сеньке и шапка; Septynis kartus atmatuok, o aštuntą pjauk / Семь раз отмерь, один раз отрежь; Ką pasėsi, tą ir pjausi / Что посеешь, то и пожнешь; Ne kask dobės kitam, pats gal įkliūti / Не копай яму другому, сам в нее попадешь; Darbas ne vilkas į mišką ne pabėgs / Работа не волк - в лес не убежит; и т.д. К тематической группе с полным совпадением лексических и грамматических форм можно отнести пословицы - «о человеке судят поведению в обществе» - *Varna varnai akies nekerta / Ворон ворону в глаз не выклюет; Šaukštas deguto ir statinė medaus sugadins / Ложка дегтя и бочку меда испортит* и т.д. Было проанализировано 14 тематических групп, в которых наблюдается полное или частичное совпадение лексических и грамматических форм.*

Мария Евтеева
Соискатель ГБОУ ВПО
«Московский городской педагогический университет»
Москва, Россия

МОДЕЛИРОВАНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ШИРОКОЗНАЧНОГО ГЛАГОЛА (НА МАТЕРИАЛЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ГЛАГОЛОВ DARĪT И TAISĪT)

Исследование глаголов широкой семантики в естественном языке, проведённое с применением гипотетико-дедуктивного метода (ГДМ), позволило определить семантические признаки, релевантные для глаголов с общим значением *делать*.

Во-первых, глагол типа *делать* может вносить информацию о создании объекта, что предполагает возникновение объекта иной качественной определённости Y из объекта Z, например, *taisīt kārbas no kartona* (делать коробки из картона), где объекты Y (*kārbas*) и Z (*kartons*) – объекты разной качественной определённости. Под качественной определёностью понимается «совокупность «существенных» свойств вещи, отличающих её от какого-то другого объекта» [Сулейманова 1985: 116]. Благодаря этому гештальт-качеству вещь является именно этим, а не каким-то другим объектом. При этом ситуация необратима, то есть невозможен возврат объекта Y (*kārbas*) в состояние объекта Z (*kartons*). Кроме того, такое действие ориентировано на внутреннюю структуру события, то есть его можно представить в виде некоторой совокупности обязательных этапов, при нереализации хотя бы одного из которых всё событие считается нереализованным. Данные признаки релевантны также для глагола *darīt*, однако, круг слов, заполняющих объектную валентность глагола в этом случае, ограничивается существи-

тельными *alus* (пиво) и *vīns* (вино): *darīt vīni no vīnogām* (делать вино из винограда), *darīt alu no arņiem* (делать пиво из хмеля).

Во-вторых, глагол с общим значением делать может вносить информацию о принципиально ином действии – преобразовании объекта *Y*, сохраняющего идентичность самому себе, например, *taisīt izbrīnītu ģīmi* (делать удивлённое лицо). Даже учитывая постоянную изменяемость объекта – преобразование и развитие его частных качеств, в целом составляющих единство – он сохраняет «некоторую устойчивость», которая и является его качественной определённой (лицо остаётся лицом). Ситуация при этом обратима, то есть возможен возврат объекта *Y1* (*mierīga seja*) в состояние объекта *Y* (в обычное состояние лица). Указанные признаки актуальны для глагола *darīt*, например: *darīt kādu laimīgu* (сделать кого-либо счастливым).

В-третьих, глагол со значением делать может описывать ситуацию фиксации неспецифицированного действия: *darīt bez ko* (незнаю что), *visu iespējamo* (всё возможное). Действию в этом случае может быть дана оценка, но оно, таким образом, не конкретизируется – *darīt sliktu* (плохо), *labu* (добро), *ko nelikumīgu* (нечто незаконное), *mulķības* (глупости). Действие при этом представлено как порция, то есть количество действия, достаточное для эффективности этого действия, что определяется субъектом или наблюдателем (внешними по отношению к действию факторами) [Холодова 2011: 34]. В действии нельзя выделить отдельные обязательные этапы – оно не ориентировано на внутреннюю структуру события. Указанные признаки, однако, нерелевантны для глагола *taisīt*.

Других семантических признаков у глаголов типа *делать* выявлено не было. Описанные признаки, как представляется, определяют прототипические значения глаголов широкой семантики с общим значением *делать*:

- создание объекта (*darīt1, taisīt1*) – создание объекта иной качественной определённости при необратимости ситуации и ориентации на внутреннюю структуру события;
- преобразование объекта (*darīt2, taisīt2*) – преобразование объекта при сохранении его качественной определённости и обратимости ситуации;
- реализация порции действия (*darīt3*) – фиксация порции действия, отсутствие его спецификации, отсутствие ориентации на внутреннюю структуру события.

Таким образом, основой построения семантической структуры широкозначного глагола является прототипической значение, при этом под прототипом понимается «наиболее репрезентативный вариант определённого инвариантного системного объекта, характеризующийся наибольшей специфичностью (концентрацией специфических признаков данного объекта), способностью к воздействию на производные варианты и наиболее высокой степенью регулярности функционирования» [Бондарко 2001: 12-13]. Инвариантное же значение, признаваемое лингвистами за широкозначными единицами, осознаётся как целостность, гештальт, объединяющий как абстрактное обозначение семантические варианты (прототипы). Представляется возможным соотнести с инвариантом единицы широкой семантики определённый знак – слово (*taisīt, darīt*). Заметим также, что инвариант чётко осознаётся носителями языка, в то время как прототипические значения могут полностью и не осознаваться. Вряд ли человек каждый раз делает выбор между созданием объекта, его преобразованием или порцией действия: интуитивно выбирается конкретный глагол: *taisīt, darīt, veikt* (последний не рассматривается в этой работе). Инвариантное значение, данное самим языком, как и прототипическое значение, выводимое в ходе лингвистиче-

ского исследования, предстают неотъемлемыми элементами семантической структуры глагола.

Наличие отдельных прототипических значений позволило предположить наличие между ними семантических связей. Как представляется, развитие значений (*taisīt1* → *taisīt2*; *darīt1* → *darīt2*) происходит посредством метафорического переноса. Структурная метафора позволяет через образ «создания преобразования» сравнить конкретный физический опыт создания физического объекта с ситуацией преобразования физического объекта (*taisīt biežpienu* (делать творог) → *taisīt frizūru* (делать причёску); *darīt alu* (делать нуво) → *darīt darītāju* (делать мастера, в пословице *Darbs dara darītāju* – Работа делает мастера)).

Далее ввиду того, что номинация глаголом ситуации создания физического объекта первична по отношению к ситуации создания нефизического объекта, прототипическое значение *taisīt1* путём онтологического метафорического переноса с ситуации создания физического объекта структурирует ситуацию создания нефизического объекта (например, *taisīt brokastis* (делать завтрак) → *taisīt mahināciju* (делать махинацию)). При этом признаки, определяющие значение создания объекта (*taisīt1*) не изменяются и не возникают новые прототипические значения исследуемого глагола. В свою очередь прототипическое значение *darīt1* не получило дальнейшего семантического развития по линии *создание физического объекта* → *создание нефизического объекта*. Точно так же в рамках значения преобразование объекта (*taisīt2*) семантическое развитие ограничивается преобразованием физических характеристик неодушевлённого объекта (*taisīt lielas acis* (делать большие глаза)).

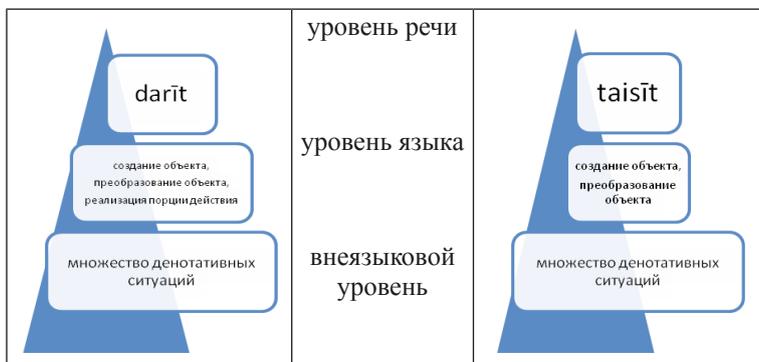
В рамках прототипического значения *darīt2* действует механизм причинно-следственной метонимии («часть вместо целого»), позволяющий номинировать ситуацию преобразования

нефизических характеристик объекта (например, *darīt cilvēku veselīgu* (делать человека здоровым) → *darīt cilvēku laimīgu* (делать человека счастливым)). При этом в ситуации преобразования эмоционально-психологического состояния объекта действует подтип причинно-следственной метонимии действие-состояние. В других случаях – преобразование статуса, оценки / восприятия объекта – имеет место подтип причина-результат.

Таким образом, в отношении глагола *darīt* можно предполагать, что как по горизонтали (от значения к значению: *darīt1* → *darīt2*), так и по вертикали (в рамках значения *darīt2*) происходит развитие от конкретного к абстрактному. Учитывая отсутствие семантического развития в рамках значения *darīt1*, предположим, что прототипическое значение *darīt2* стало основой для развития значения *darīt3*. В рамках значения *darīt2* абстрагирование развивается посредством онтологической метафоры. Придание дискретности ситуации преобразования нефизических объектов позволило идти дальше по пути абстрагирования и структурировать ситуацию как преобразование некой сущности высокой степени абстракции – преобразование вообще чего-либо. На высоком уровне абстракции ситуация концептуализируются как прототипическая ситуация реализации порции действия (значение *darīt3*, например, *ko darīt?* (что делать?), *darīt tā* (делать так)). Можно также предположить, что семантическое развитие имеет место в рамках значения *darīt3*. Однако здесь оно идёт по пути конкретизации, что объясняется необходимостью каким-то образом определить абстрактные сущности: порция действия определяется с аксеологической точки зрения, то есть по шкале «плохо»-«нейтрально»-«хорошо». Действию даётся качественная характеристика, например, *darīt nešķīstības* (беспутство, нечестивость), *savi* (своё), *labu* (добро), *prieku* (радость).

Таким образом, семантическая деривация глагола *darīt* определяет порядковые номера прототипических значений: *darīt*₁ → *darīt*₂ → *darīt*₃. Однако, не смотря на наличие производности, указанные значения не образуют иерархию, они равноправны.

Основываясь на исследовании семантики глаголов с общим значением *делать*, модель значения платееосеманта можно представить в виде конуса, включающего три уровня: нижний уровень – уровень внеязыковой действительности, где располагается неограниченное множество денотативных ситуаций, каждая из которых соответствует тому или иному прототипическому значению; средний и верхний уровни, представляющие сферу языка, при этом на среднем уровне в одной плоскости, не образуя иерархию, находятся прототипы, на верхнем – инвариант. Верхней точкой конус «упирается» в уровень речи, так как при употреблении широкозначного слова в контексте, в первую очередь, манифестируется и идентифицируется инвариантное широкое значение, за которым стоит конкретный прототип, часто не имеющий для говорящего особой значимости. В соответствии с этим семантические модели глаголов *darīt* и *taisīt* имеют следующий вид:

Литература

1. Бондарко А.В. Лингвистика текста в системе функциональной грамматики [Электронный ресурс] / А.В. Бондарко // Структура и семантика. Т. 1. – М., 2001. – С. 4-13. – URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/bondarko-01.htm>, последнее посещение – 9 июня 2013 г., свободный
2. Сулейманова О.А. Некоторые семантические типы субстантивов и их актуализаторы весь/целый и all/whole : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20; защищена 1987 / О.А. Сулейманова. – М., 1987.
3. Холодова Д.Д. Когнитивный анализ предикатных выражений типа have a talk [Текст]: Выпускная квалификационная работа бакалавра по направлению «031100.62 – Лингвистика» / Д.Д. Холодова. – М., 2011

*Синтия Фреймане
IN Riga Satva (языковой центр),
г.Рига, Латвия*

ОТНОШЕНИЕ МОЛОДЁЖИ ЛАТВИИ К ЛАТЫШСКОМУ ЯЗЫКУ КАК К РОДНОМУ И КАК К ГОСУДАРСТВЕННОМУ ЯЗЫКУ

В эпоху развития процессов глобализации резко изменились жизненные ценности современной молодёжи, в том числе и отношение к родному языку, так же, как и к другим языкам и их изучению. Мир открыт, и молодёжь стремится как можно скорее познать другие культуры, другие языки.

Главная задача родителей и педагогов Латвии – мотивировать и заинтересовать молодёжь к изучению родного языка, к следованию литературной норме в устной речи и формированию навыков письменной речи.

Изучение латышского языка непосредственно связано с осознанием культурных и исторических ценностей родной страны, со знанием географии Латвии, с освоением норм лите-

ратурного языка. Лексика латвийской молодёжи – это особая подсистема. В основе современного молодёжного сленга кальки из русского и английского языков.

Тем не менее, приоритеты молодёжи лежат в сфере изучения иностранных языков.

Реальная картина отражает низкий уровень владения книжной разновидностью родного языка, что также обусловлено низким уровнем культуры чтения.

В Латвии существует богатый опыт билингвального образования: действуют школы, где латышский язык вместе изучают как латыши, так и русские. Например, в Rīgas Amatniecības vidusskola (средняя художественная школа) уроки для будущих дизайнеров самого разного профиля – рекламы, интерьера, мебели, одежды, фотографии, кинорежиссуры – ведутся на обоих языках.

В этих условиях проблему составляет выбор учебника в соответствии со спецификой учебного процесса, а также контингента учащихся. Поэтому интерактивные формы работы оказывают незаменимую поддержку в мотивировании изучения языка. Самая распространённая форма изучения языка – в процессе выполнения творческих проектов и заданий в соответствии со специальностью обучающегося.

Однако ценностное отношение к латышскому языку имеет разнонаправленный характер. Во-первых, неподдельный интерес к латышскому языку обнаруживается у русскоязычной части молодого населения Латвии, что выражается стремлением быть в центре всего, что связано с языком, с участием на олимпиадах по латышскому языку, конкурсах и фестивалях. Во-вторых, растёт интерес иностранцев к латышскому языку: его изучают шотландцы, англичане, испанцы, немцы. Мотивация разная: это желание получить образование в Латвии, переехать жить и работать в Латвию, общаться с друзьями

и находить новых друзей и т.д. В-третьих, носители латышского родного языка стремятся изучать иностранные языки. Мотивация – возможность обучения в вузах западных стран. Возрастает интерес и к русскому языку. Мотивация – конкурентоспособность на рынке труда.

Таким образом, социолингвистическая ситуация в Латвии значительно изменилась за последнее десятилетие, и перед педагогической общественностью стоит задача не позволить латышскому языку со временем исчезнуть.

Литература

1. Алиев Р., Каже Н. Билингвальное образование. Теория и практика. – Рига, Retorika, 2005/
2. Синёва О.В. Ценностное отношение к родному языку у выходцев из Литвы, проживающих в городе Москве. В сб.: Baltistikos centrai ir Lietuva: Baltistika pasaulio kontekste.-Vilnius, LEU,2013 – с.124

Anželika Gaidienė
Lietuvių kalbos institutas
Vilnius, Lietuva

LIETUVIŲ KALBOS GĖRIMO VEIKSMAŽODŽIŲ SINONIMŲ EILIŲ SEMANTINIAI RYŠIAI

Lietuvių kalbotyroje veiksmažodžiui skiriama nemažai dėmesio. Kaip centrinė ir daugiareikšmė kalbos dalis, jis tiriamas įvairiais aspektais ir metodais, tačiau leksinių semantinių grupių atžvilgiu išsamių tyrimų dar trūksta. Pastaraisiais dešimtmečiais nemažai kalbama apie veiksmažodžių leksines semantines grupes (mušimo veiksmažodžius yra tyrusi A. Pribušauskaitė (1981), būsenos – L. Servaitė (1984), slinkties – R. Marcinkevičienė (1990),

intelektinės veiklos – J. Jakelaitytė (1990) ir kt.), bet iki šiol nėra visiškai aišku, į kokias leksines semantines grupes ir pogrupius galėtų būti skirstomi lietuvių kalbos veiksmažodžiai ir kiek tų grupių ir pogrupių galėtų būti lietuvių kalboje¹.

Šio tyrimo pamatu buvo nuspręsta pasirinkti dar netirtą veiksmažodžių semantinę grupę – gėrimo veiksmažodžius, kurių tyrimas turėtų papildyti lietuvių kalbos leksinių semantinių grupių sritį naujais duomenimis. Medžiaga tyrimui rinkta iš elektroninio „Lietuvių kalbos žodyno“ varianto (t. I–XX, 1941–2002; elektroninis variantas 2005 m., atnaujinta versija 2008 m. – www.lkz.lt, vyr. redaktorė Gertrūda Naktinienė). Šis žodynas tyrimui pasirinktas dėl savo leksikos turtingumo: į jį buvo dedama daug žodžių, paimtų iš gyvosios kalbos, seniausių lietuvių kalbos rašto paminklų, svarbiausių žodynų, tautosakos rinkinių ir kitų šaltinių. Iš viso iš žodyno išrinkta apie 150 leksinių vienetų, priklausančių minėtai semantinei grupei.

Svarbu pabrėžti, kad pranešimo pagrindiniu aspektu laikytinas ne tik gėrimo veiksmažodžių semantinės grupės vidinės struktūros tyrimas, bet ir veiksmažodžių, įeinančių į tą grupę, sinonimų požymių ir ryšių tyrimas. Sinonimai – populiari leksinės semantikos problema kalbotyroje vis dar kelianti nemažai diskusijų dėl sinonimų sąvokos supratimo, sinonimų nustatymo, klasifikacijos, eilių sudarymo ir kt. Paprastai sinonimais laikomi artimos ar tapachos reikšmės žodžiai. Tačiau žodžių reikšmės artimumo ar tapatumo sąvoka gana reliatyvi – tai, kas vieniems atrodo artima ar panašu, kitiems gali atrodyti visai neartima ar nepanašu. Įdomu, kokie semantiniai požymiai žodžių reikšmes priartina ar atitolina? Kodėl ir kokiais būdais lietuvių kalboje atsiranda sinonimų? Kitaip sakant, kada tikrovei įvardinti nebe-

¹ Pavyzdžiui, anglų kalboje yra nuoseklių veiksmažodžių semantinių grupių klasifikacijų (Levin B. *English verb classes and alternations: a preliminary investigation*. The University of Chicago Press, 1993).

užtenka turimų žodžių inventoriaus? Į pateiktus probleminius klausimus bus pabandyta atsakyti remiantis išanalizuota gėrimo veiksmožodžių semantinės grupės medžiaga.

Jurgita Girčienė
Lietuvos edukologijos universitetas
Vilnius, Lietuva

THE CHANGE OF THE FORMS OF ADDRESS IN LITHUANIAN LANGUAGE

The presentation discusses the change of the forms of address in the public spoken use of Lithuanian in 1960–2010. The presentation is based on a qualitative analysis of speech of 202 speakers, varied in age and representing both genders, that took part in 17 television programs of various topics with dominating spontaneous speech and varying degree of formality. The sample was constructed from the material available in the retrospective spoken media corpus, build within the project “Lithuanian Language: Ideals, Ideologies and Shift of Identity”.

The characteristic feature of the Soviet period (1961–1987) is exceptionally formal ways of naming of the addressee, based on so-called polite plural *Jūs* (Вы). They can be summarised under the standardised formula representing formal communication, which during that period was the only allowed way of address in the public discourse: (*first name / comrade / communist / position*) + ***last name***. The most common formula for the indirect address was *first name + last name*, for the direct address: *comrade + last name*.

The transitional period (1988–1992) saw a confrontation between the relict very formal ways of address (*comrade + last name*) and new to the public discourse informal address by the ***first name***,

thus a mix of two different ways of speaking. Although the public discourse was still dominated by polite plural forms of address (*Jūs / Būs*), formal ways of naming based on the **last name**, which was the only possible choice during the Soviet period, met competition from informal ways of naming based on the **first name**. It all signals the turn towards informality in the naming of the addressee. During this period new forms of address are becoming more common, like *gerbiamasis* (*the honorable*); there are also single uses of *ponas* (*Sir*). Dialogue and direct ways of addressing are becoming more common: they are used not only by host shows and experts like in the Soviet times, but also by other program guests, “ordinary” people. A new feature of this period is the choice of the naming according to the sociodemographic characteristics and situational role differences of interlocutors. Therefore, the two most common formulas of address of different formality in this period are: (*first name / comrade / honourable / Sir / position*) + **last name** and (*honourable / Sir*) + **first name**.

The characteristic of the public spoken discourse of the present period (1993–2011) is even more dramatic shift towards informality; informal singular forms of address (*tu / mbi*), signalling contact strategy of politeness, are becoming widespread. Another distinctive feature is numerous usage of the traditional Lithuanian address *ponas* (*Sir*). This period could be summarized in three formulas of different formality: (*first name / Sir / honourable / formal position*) + **last name** [plural f. *Jūs / Būs*], (*Sir / honourable / dear*) + **first name** [plural f. *Jūs / Būs*], (*dear*) + **first name** [singular f. *tu / mbi*]. The period is marked by more diverse, more familiar expressions of informality: address by bare first name and the element *dear* become common. Polylogue and exceptional variety mark this period; the choice of naming is determined by the type of the program, sociodemographic characteristics and situational roles of interlocutors.

АНТИНОМИЯ КАК ПРИНЦИП ОРГАНИЗАЦИИ РУССКИХ И ЛИТОВСКИХ ПАРЕМИЙ

Понятие *антиномия* отражает особый взгляд на окружающий мир как на гармоническое единство противоположностей и традиционно определяется в философии как форма «*существования и развития противоречия*» [Грицанов, 1998]. Именно поэтому в ряду паремий (пословиц, поговорок), иллюстрирующих наивные картины мира русских и литовцев, можно выделить группы, построенные на антиномических отношениях, когда наиболее важные для этносов культурные значения, в том числе и морально-нравственные, семантизируются через противопоставление их антиценностям [Милованова, 2007].

В русле антропоцентрической и функциональной парадигм современного языкознания нами выделены значимые для русской и литовской лингвокультур антиномические семантические оппозиции, среди которых отмечена значительная группа «Дружба-вражда», на примере которой возможно проиллюстрировать принцип организации антиномии в паремиях. Рассматривая структуру антиномий как бинарную, выделяем в ее составе мономы «Дружба» и «Вражда» – ключевые контрастные понятия, составляющие антиномию, и субмономы (далее СМ) – репрезентанты мономов в рамках рассматриваемой оппозиции. Ключевые репрезентанты оппозиции – лексемы *дружба, дружить, друг, приятель/ draugystė, draugauti, draugas, prietelis* и *недруг, враз/ priešininkas, priešas*. В массиве русских и литовских паремий четко просматривается

специфика структурной и семантической оппозиции, при которой паремия строится на противопоставлении лексем, в большинстве случаев – ключевых.

Моном «Дружба» репрезентируют следующие СМ, широко представленные русскими и литовскими паремиями: СМ «Значимость дружбы» – положительно характеризует дружбу в бытийном, онтологическом плане; СМ «Проверка дружбы», СМ «Фальшивая дружба» отражают неискренние отношения; СМ «Дружба и богатство» – влияние материального достатка (часто отрицательное) на добрые отношения; СМ «Трудности, непрочность дружбы» подчеркивает, как тяжело налаживать добрые отношения и жить дружно; при репрезентации СМ «Дружба как родственные отношения» в семантике русских паремий находят отражение положительные межличностные отношения, в литовских единицах отмечена и негативная окраска. Литовские пословицы иллюстрируют мысль о дружбе как прерогативе молодости в СМ «Дружба и молодость».

Внутри монома «Вражда» выделены три СМ, широко представленные русскими и литовскими паремиями: СМ «Неприятные отношения» отражает невозможность построения дружеских взаимоотношений; СМ «Враждебное поведение» раскрывает широкий спектр недружелюбных действий по отношению к другому человеку; СМ «Опасность вражды» содержит предостережение враждующим сторонам, показывая коварство, непредсказуемость враждебных взаимоотношений.

В паремиях антиномические оппозиции проявляются в контрастной структуре, а на лексико-семантическом уровне – антонимическими парами. Следуя принципу полевого структурирования, мы классифицировали антонимы и выделили в них ядерные и периферийные средства выражения контраста.

Языковые репрезентанты ядра – разнообразные по семантике рекуррентные пары узуальных антонимов, прежде всего

это ключевые существительные. В билингвистическом паремическом фонде отмечены антонимии имен прилагательных, лексической пары *новый – старый*, глаголов, имен существительных, наречий и наречных сочетаний.

Периферию антонимии русских и литовских паремий представляют текстуальные антонимы: лексемы-гипонимы – названия живых существ как контрастные единицы; названия частей тела, предметов одежды, лексемы-антонимы с количественным (временным) значением, личные местоимения «я» и «ты» (в русских пословицах), антонимы со значением *драгоценные металлы* (в литовских паремиях). В русских пословицах частотно противопоставление словосочетаний с числительными «один» и «два», в литовских с таким противопоставлением отмечен единичный пример интернациональной пословицы: *Senas tavorščius geresnis už du naujus* (Старый друг лучше новых двух), однако частотно противопоставление словосочетаний с числительными *šimtas* (сто) и *vienas* (один). Лексемы, связанные с христианством, в литовских пословицах противопоставлены значительно чаще, в частности, лексемы *angelas* (ангел), *velnias* (черт), *ragana* (ведьма). Периферия контраста также широко представлена в обоих языках межчастеречными антонимиями и грамматическими оппозициями.

Проведенный анализ обнаружил высокую степень репрезентации оппозиции «Дружба – вражда» в русских и литовских паремиях, которые представляют собой микросистемы, органично входящие в пространство национальных картин мира. В рамках мономов «Дружба» и «Вражда» выделены национально-специфичные и общие для обеих лингвокультур СМ, а также обнаружены широкие аналогии в отношении моделей структурно-синтаксической организации. Антонимия в рассмотренных паремиях – явление предельно широкое; она может проявляться на разных уровнях языка. Предложенный

подход к анализу паремий позволяет более четко и системно представить особенности отражения в языке ключевых понятий лингвокультуры.

Литература

1. Грицанов А.А. Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. - Минск.: Изд. В.М. Скакун, 1998. - 896 с.
2. Милованова М.В. Категория посессивности в русском и немецком языках в лингвокультурологическом освещении: Монография / М.В. Милованова. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2007. – 408 с.

Asta Gustaitienė
Vytauto Didžiojo universitetas
Kaunas, Lietuva

LIETUVIO IR LIETUVOS ĮVAIZDIS XX A. PABAIGOS – XXI A. PRADŽIOS POPULIARIJOJE VAKARŲ LITERATŪROJE

Pastaraisiais metais lietuvių literatūrologijoje ypač sustiprėjo komparatyvistiniai tyrimai, kuriuose analizuojamos Lietuvos bei lietuvių vaizdavimo kitų šalių literatūrose strategijos, keliami probleminiai klausimai apie tai, koks lietuvių įvaizdis išskyla ir kaip jis kinta tose literatūrose. 2012 metais pasirodė profesoriaus Algio Kalėdos monografija „Mitų ir poezijos žemė: Lietuva lenkų literatūroje“, kurioje išsamiai diachroniniu būdu vaizduojama, kaip kinta Lietuvos ir lietuvių vaizdavimas lenkų literatūroje nuo XVIII, XIX a. iki pat šių dienų, Nijolė Vaičiulėnaitė-Kašelionienė 2011 metais išleistoje monografijoje „Lietuvos įvaizdis prancūzų literatūroje: vienos barbarybės istorija“ tyrinėjo lietuvių įvaizdį prancūzų literatūroje, literatūrologai Sigutė Radzevičienė, Silves-

tras Gaižiūnas savo straipsniuose ir monografijose nuolat ieško, kaip vaizduojamas lietuvis, Lietuva skandinavų literatūrose. Tokio pobūdžio tyrimai yra įdomūs tiek sociokultūriniu, tiek literatūrologiniu požiūriu.

Įdomu, kaip Lietuva, lietuviai, jų mąstymo būdas, kasdienybės realijos, gyvenimo stilius, butis ir aplinka meniškai tyrinėjami, kokių pavidalų įgyja Vakarų literatūrose, su kuriomis geriausiai susipažįstama iš vertimų. Šiam pranešimui pasirinkta tyrinėti populiarioji literatūra dėl to, kad joje atsispindintis lietuvių bei Lietuvos įvaizdis įsisąmoninamas bei reflektuojamas diskusijose, kultūrinėje spaudoje pačių skaitytojų daug greičiau ir stipriau nei pasirodžius elitinės literatūros kūriniams. Pavyzdžiui, JAV 2001 metais pasirodžius Jonathano Franzeno romanui apie lietuvius „The Corrections“ („Pataisos“), kuriame lietuviai vaizduojami kaip itin skurdžiai gyvenantys, net valgantys arklieną, pati Lietuva prilyginama turgui ir internete žymima lithuania.com, Lietuvoje apie šį romaną, taip pat apie jame vaizduojamų lietuvių bei Lietuvos įvaizdį, užvirė diskusijos ne tik kultūrinėje spaudoje, bet taip pat tarp paprastų žmonių, apie tai kalbėjo ir politikai, ir sociologai, susirūpinę Lietuvos įvaizdžiu užsienyje.

Šio pranešimo tikslas – patyrinėti, kaip populiariosios literatūros vertimuose atsispindi Lietuva ir lietuviai, koks subjekto santykis su lietuvių bei latvių tautybės veikėjais. Tyrinėjimo šaltiniai – XX a. II pusėje – XXI a. pradžioje pasirodę kūriniai: Tess Geritssen romanas „Donoras“, Herbjørg Wassmo romanas „Stiklinė pieno“, Karin Alvtegen ir kt. Tyrimui naudojami komparatyvistinis ir analitinis metodai; pasitelkiamos literatūrologų Algio Kalėdos, Nijolės Kašelionienės, Sigutės Radzevičienės, Silvestro Gaižiūno, Vytauto Kubiliaus teorinės įžvalgos.

AUTOSTEREOTIPS *LATGALIJIS* LATGALIEŠU FOLKLORĀ

Folklorā tās tradicionālajā izpratnē pauž tautas, etniskas vai kādas citas grupas ilgākā laikā veidojušos priekšstatus par pasauli, tās vērtībām. Būtisku vietu šajā priekšstatu sistēmā ieņem attiecīgās grupas identitātes jautājumi, kas atklājas gan attieksmē pret citām grupām un to kultūru, gan dažādās pašidentifikācijas izpausmēs. Attieksmi pret citām (etniskām, reliģiskām u.c.) grupām folklorā pauž t.s. heterostereotipi, savukārt pašraksturojums atklājas autostereotipos. Nereti tie ir grūti identificējumi, jo neatklājas tiešā veidā – pašraksturojumā. Tomēr pastāv virkne paņēmieni, kā folklorā iespējams noteikt samērā noturīgos priekšstatus pašiem par sevi.

Latgaliešu folklorā autostereotipa *latgalietis* izpratnei svarīgi gan valodas, gan arī akcionāli kritēriji. Grupas priekšstatus par sevi, savu vietu lielākā kopienā uzskatāmi apliecina t.s. endoetnonīmi – grupas pašapzīmējumi, kas ataino priekšstatus par ģenēzi, radniecību u.c. etniskās identitātes veidošanās procesiem. Akcionālie kodi spilgti atklājas folkloras naratīvos, kur iespējams šizētiski izsekot stereotipa *latgalietis* atklāšmei darbībā. Viens no šādiem veidiem ir savas grupas pārstāvju tēlojums kopā ar citas grupas pārstāvjiem. Visbiežāk latgaliešu folklorā latgalietis tēlots saskarē ar ebrejiem, krieviem un čigāniem. Savai grupai piemītošās īpašības atklājas gan tiešos raksturojumos, gan pretstatot tās citām grupām. Pārsvārā 'svešajos' tiek pamanītas tās īpašības, kas nav raksturīgas pašiem. Tā, piemēram, ja ebreji ir bagāti un skopi, tad latgalieši – nabadzīgi un devīgi. Ja čigāni ir slinki un

klaiņotāji, tad latgalieši – čakli un turas pie sava zemes gabaliņa. Ja ebrejiem raksturīga etniskā solidaritāte, tad latgaliešiem tās kādreiz pietrūkst.

Autostereotipa *latgalietis* izpratnē būtiski ir gan saturiskie, gan emocionālie stereotipa aspekti. Autostereotipa saturu veido tās pazīmes, kas raksturo latgalieti darbībā un kontaktos ar citiem etnosiem, savukārt attieksme pret svešajiem parādās atkarībā no modalitātēs, kādā tēlota komunikācija. Sevišķi nozīmīgas latgalieša pašatklāsmē ir komiskā, neitrālā, noraidošā un asimilējošā modalitātes, kas pamatos atklājas kā pamatnostāju pret 'svešo' etnosu, kas vairumā gadījumu nav viendabīga – vienas un tās pašas saturiskās konstantes atkarībā no konteksta var tikt atšķirīgi novērtētas.

Autostereotips *latgalietis* līdzīgi kā etniskie stereotipi kopumā uzskatāmi ilustrē galvenās stereotipizācijas funkcijas. Ideoloģizējošā funkcija izpaužas kā 'savas' (latgaliešu) etniskās grupas ideoloģijas veidošana un aizsargāšana, kā arī savas uzvedības attaisnošana attiecībā pret citām etniskām grupām. Identificējošā funkcija atklāj latgaliešu centienus uzturēt pozitīvu piederības identitāti 'savai' etniskajai grupai. Stingra 'savējo' un 'svešo' nošķiršana apvieno 'savējos' un novērš uzmanību no iekšējām prurunām.

Gražina Skabeikytė-Kazlauskienė
Vytauto Didžiojo universitetas
Kaunas, Lietuva

LIETUVIŲ VAIKŲ FOLKLORO TENDENCIJOS XX A. PABAIGOJE – XXI A. PRADŽIOJE

Dabartiniame lietuvių vaikų folklore vienodomis teisėmis gyvuoja ir neatmenamų laikų kilmės, ir vos kelių dešimtmečių kūryba. Pagrindinę dalį sudaro pačių vaikų kūriniai. Atskirų žan-

rų repertuaras yra papildomas skoliniais iš suaugusiųjų folkloro, tačiau perimti kūriniai gali būti šiek tiek perdirbami.

Nauja tendencija – raiškos ir sklaidos formų įvairovė. Išliko žanrų, kurie funkcionuoja tik sakytine forma (erzinimai, skaičiuotės). Vis dėlto didžiauma folkloro gyvuoja keliais pavidalais. Susiformavus internetiniam folklorui, greta įprastinės formos kūrinų atsirado elektroninių variantų, pirmiausia rašytinių, ilgainiui – papildytų vizualinėmis iliustracijomis ar įgijusių videoklipų formą.

Palyginti nedidelę dalį sudaro iš tradicinio folkloro paveldėti kūriniai. Perimami ne tekstai, o pasaulio suvokimo ir savo santykių su juo nustatymo modeliai. Matyti, kad pasaulį vaikai įsivaizduoja esant dualistinį – daugiau mažiau pažįstamą tikroviškąjį ir mitinį, glūdintį už racionalaus pažinimo ribų. Dėmesys pastarajam pasauliui lėmė išsaugotą gyvą ryšį su mitinį tikrovės patyrimą perteikiančiu tradicinės kultūros palikimu: mitologinėmis sakmėmis, tikėjimais, burtais. Gelminiame moksleivių folkloro lygmenyje ne vienu atveju galima aptikti archetipines struktūras. Ypatingos svarbos – iniciacijos ritualo archetipas.

Greinant su tradiciniu lietuvių folkloru, neįmanoma nepastebėti destruktiviųjų pradų, ypač išskiriant mirties motyvą, sustiprėjimo tendencijos. Mirtis kelia siaubą šiurpėse, dalyje sakmiškųjų pasakojimų, jos alsavimas jaučiamas burtuose ir meilės istorijose, drastiškais jos siautėjimo vaizdais grįsti siaubaraštukai, mirtis įžengusi ir į vaikų anekdotus.

Visais laikais vaikų folklore išskirtinę vietą turėjo komiškoji pasaulio traktavimo tendencija. Dabartiniame į akis krenta padidintas dėmesys kūno apačiai, juokinama analiniais ir seksualiniais vaizdiniais – pastebimas komizmo ryšys su karnavaline groteskinio liaudies juoko tradicija. Vyresnio amžiaus vaikai įvaldo parodijavimo meną.

Lyginant su tradiciniu, XX a. pabaigos – XXI a. pradžios lietuvių vaikų folkloras yra tarptautiškesnis. Tuo laikotarpiu, kai Lietuva priklausė Sovietų Sąjungai, lietuvių vaikų folkloras patyrė stiprią rusų folkloro įtaką. Net trys žanrai – šiuropės, siaubaraštukai ir rašytinės meilės istorijos – yra perimti iš rusų moksleivių. Tarptautiški ir nemaža dalis vaikų anekdotų, bet reikia pripažinti, kad keičiantis vaikų kartoms, sovietinis šio žanro palikimas eina į užmarštį. Pastaruoju metu stiprėja anglakalbio folkloro įtaka, ypač – pasiekiamo per internetą. Nacionaliniu požiūriu pats savičiausias yra erzinimų žanras.

Евгений Киров

*Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия*

Їовита Русецкаја

*Литовский эдукологический университет
Вильнюс, Литва*

НЕКОТОРЫЕ ЭКВИВАЛЕНЦИИ В РУССКОЙ И ЛИТОВСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ С СОМАТИЗМАМИ

Следует отметить, что в литовском языке существует немало соматических фразеологизмов, которые являются заимствованиями из славянских языков. Например, ФЕ „(saugoti) kaip savo akies vyzdį“ – „labai saugoti, globoti ką“, возможно, заимствована из русского языка – «(беречь) как зеницу ока». В разговорной литовской речи данный соматический фразеологизм (СФ) чаще всего употребляется как – „(saugoti) kaip savo akį“ (рус. перевод: (оберегать) как свой глаз) или же „(saugoti) kaip akį kaktoje“ (рус.: (оберегать) как глаз во лбу). Именно наличие вариантного употребления СФЕ дает основание предполагать,

что данный соматический фразеологизм является заимствованным.

В литовской речи встречаются такие СФЕ, в которых заимствованным является только один из его компонентов, а именно – сам соматизм. Например, в СФЕ „*kaltūnų nuo galvos rauti*“ (досл. рус.: колтун рвать из головы) – „*labaiskriausti*“ (рус.: сильно обижать) соматизм **kaltūnas* является заимствованием из русского или польского языков (ср. рус. *колтун*, польс. *koltun*) или, например, „*i*čiurpnas susikibti*“ (досл. рус.: вцепиться в волосы) – „*susipešti*“ (подраться) соматизм **čiurpna* является заимствованием из белорусского или польского языков (ср. белорус. *чупрына*, польс. *czupryna*).

Литовская СФЕ „*iš*skūros verstis*“ – „*labai nori keisti pažiūras, tautybę, įsitikinimus*“ (досл. рус.: (кто-л.) очень хочет поменять взгляды, национальность, убеждения) содержит соматизм **skūra* и является заимствованием из польского языка (ср. польс. *skura*, рус. *шкура*).

Так, в литовском языке используется СФЕ с заимствованным соматизмом, соответствующим литовскому слову *siela*, – рус. соответствие *душа* (отметим, что *душа* определяется нами в аристотелевском духе как «энтелехия тела», т.е. *душа* является соматизмом) – т.е. употребляется заимствованный из русского языка соматизм **dūšia*. Более того, большинство СФЕ данного типа являются эквивалентными (ср. лит. „*nėgyvos *dūšios*“ – рус. «ни живой души»; лит. „*viena *dūšia*“ – рус. «душа в душу»; лит. „*gatavas *dūšių atiduoti*“ – рус. «готов душу отдать»; лит. „*su *dūšia*“ – рус. «с душой»; лит. „*kaip *dūšia be vietos*“ – рус. «душа не на месте»; лит. „*ne prie *dūšios*“ – рус. «не по душе»; лит. „*su *dūšia ir kūnu*“ – рус. «с душой и телом» ит.д.).

Такие СФЕ, как: „**dūšia kakle*“ (досл. перевод «душа во лбу»), „**dūšia nešti rankoje*“ (досл. перевод «нести душу в руке»)– употребляются в значении «очень устать»; „**dūšių taisyti*“ (досл.

перевод «поправлять душу») – в значении «похмеляться»; „*ant tuščios *dūšios*“ (досл. перевод «на пустую душу») – в значении «на голодный желудок»; „*žydo *dūšia*“ (досл. перевод «душа еврея») – в значении «скрытый, тихий человек» и др., т.е. являются безэквивалентными соматическими фразеологизмами литовского языка.

Стоит отметить, что во фразеологическом словаре литовского языка под ред. Й. Паулаускаса зафиксированы следующие СФЕ с компонентом – соматизмом *душа* (лит. *siela*): „*sielos gilumoje*“ («в глубине души» (рус.); „*iki sielos gelmių*“ («до глубины души» (рус.); „*visa siela*“ («всей душой» (рус.), «от всей души» (рус.); „*sielą atiduoti Dievui*“ («отдать Богу душу» (рус.), «Бог на душу положил» (рус.); „*sielą atiduoti Viešpačiui*“ («отдать Господу душу» (рус.); „*sielą atverti*“ («открыть душу» (рус.); „*sielą ėsti*“ («бередить душу» (рус.); „*sielą susukti*“ («с души воротит» (рус.); „*į sielą įsmigti*“ («влезать (войти) в душу» (рус.); „*kūnu ir siela*“ («душой и телом» (рус.); „*į sielą pažiūrėti*“ («заглядывать в душу» (рус.); „*angelo siela*“ («душа ангела» (рус.) – всего 12 соматизмов. Приведенные нами соответствия из русского языка указывают на то, что данные фразеологизмы литовского языка, возможно, являются кальками из русского языка.

Наиболее поразительным является тот факт, что в соответствии с русским соматическим фразеологизмом с компонентом *душа* в литовском языке употребляется СФЕ с соматизмом – сердце (лит.: *širdis*). Вот почему в литовском языке *болит* и «плачет сердце», а в русском *болит* и «плачет душа». Кроме того, СФ «сердце болит» (лит. „*širdį skauda*“) как в русском, так и в литовском языках употребляется в прямом и переносном значении. Однако СФ «душа болит» употребляется только в русском языке, т.к. в литовском языке данной фразеологической единице соответствует СФ „*širdį skauda*“ («сердце болит»). Интересно то, что в словаре А.И. Молоткова СФ «сердце (душа) плачет» не отмечен.

Необходимо отметить то, что с точки зрения употребления, наиболее частотными как в русском, так и в литовском языках являются такие соматические фразеологизмы как: «сердце кровью обливается» (лит. „širdis aptekėjo (arėjo) krauju (kraujais)“); «сердце разрывается» (лит. „širdis plyšta“); «сердце (душа) изнывает/ноет» (лит. „širdies klyksmas“); «сердце (душа) болит» (лит. „širdį skauda“); «скребет на сердце (душе); «кошки скребут на сердце (душе)» (лит. „širdį draskyti“); «сердце щемит» (лит. „širdį maudžia“); «сердце сжимается» (лит. „širdį spaudžia“); «сердце кипит» (лит. „širdis verda“), «от сердца оторвать» (лит. „iš širdies išplėšti“), «сердце берет/взяло» (лит. „širdį suėmė“), и др., которые отражают волнение, переживание, страдание, гнев.

Стоит также обратить внимание на то, что в литовском языке, в отличие от русского языка, отрицательные эмоции отражаются в СФ лишь с компонентом-соматизмом *сердце* и, как правило, данные фразеологические единицы являются двусоставными („širdis iškryto (išpuolė)“(досл. перевод «сердце выпало»)– в знач. очень сильно испугаться, „širdis lūžta“(досл. перевод «сердце ломается») – в знач. чувствовать сильную боль (душевные терзания), „širdį peršti“(досл. перевод «сердце першит») – в знач. чувствовать горечь, скорбь, „širdį skauda“(досл. перевод «сердце болит») – в знач. чувствовать душевную боль и т.д.).

Отражение положительных эмоций человека («за милую душу» (лит.: „gera širdimi“), «вкладывать/вложить в душу» (лит.: „į širdį dėti (dėtis)“), «душа нараснашку» (лит.: „erdva (plačią) širdį turėti“, „plačios širdies“), «не чаять (не слышать) души», «от чистого сердца» (лит.: „gryna širdimi, atlapos širdies“), «с открытым сердцем» (лит.: „atvira širdimi (atviros širdies)“) и т.д. связано, прежде всего, с представлением о сердце и душе как месте, где сосредоточены все чувства человека, особенно любовь, искрен-

ность, где спрятано все самое тайное, личное, сокровенное, что дано узнать не каждому.

Интересно то, что наблюдаются некоторые различия в самом определении (дефиниции) лексем «сердце» и/или «душа» в русском и литовском языках.

Ср.: в русск. *Сердце* – 1. центральный орган кровеносной системы в виде мышечного мешка (у человека в левой стороне грудной полости); 2. *перен.* этот орган, как символ души, переживаний, чувств, настроений; 3. *перен.* важнейшее место чего-н., средоточие; 4. символическое изображение средоточия чувств в виде вытянутого по бокам овала, мягко раздвоенного сверху, книзу сужающегося и заостренного; 5. в некоторых выражениях: гнев, раздражение [Ожегов, 1989].

В лит.: *Širdis* – 1. centrinis kraujo varomas organas kūne; (досл. центральный орган кровеносной системы в теле); 2. centras, svarbiausias organas; (досл. центр, самый важный орган); 3. siela, jausmas; (досл. душа, чувство); 4. žr. *šerdis* – medžio kamieno vidurys; varpo kankalas; vidurys, pagrindas, centras); (досл. сердцевина – середина ствола дерева; язык колокола; середина, основа, центр) [Kruopas, 1972].

В русск.: *Душа* – 1. внутренний, психический мир человека, его сознание; 2. то или иное свойство характера, а также человек с теми или иными свойствами; 3. *перен.* вдохновитель чего-н., главное лицо; 4. о человеке (обычно в устойчивых сочетаниях); 5. В царской России: крепостной крестьянин, а также вообще человек, относящийся к податному сословию [Ожегов, 1989].

В лит.: *Siela* – 1. vidinis psichinis žmogaus pasaulis, jo sąmonė, protavimas; (досл. внутренний психический мир человека, его сознание, разум); 2. jausmas, užsidegimas; (досл. чувство, страсть); 3. religijoje – įsivaizduojama bekūnė būtybė, nemirštanti žmogaus dalis, dvasia; (досл. в религии – воображаемое бестелесное существо, не умирающая часть человека, дух); 4. įkvėpėjas; žymiausia

asmenybė. (досл. вдохновитель, известнейшая личность)
[Kruopas, 1972].

Как видим, соматизм *сердце/душа* в русском и литовском языке имеют различные метафорические коннотации, которые в определенном словосочетании фразеологизируются в соответствующих СФЕ с данными соматизмами, образуя тем самым безэквивалентные фразеологизмы.

Литература

1. Киров Е.Ф. Русецкая Й. Лингвокультуроцепты душа и тело в русской и литовской фразеологии. - Saarbrücken:LAPLAMBERT, 2013..
2. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1989.
3. Paulauskas J. Lietuvių kalbos frazeologijos žodynas. - K., 1977.
4. Kruopas J. (atsak. redaktorius) Dabartinės lietuvių kalbos žodynas. – V., 1972.

Асия Ковтун
Университет им. Витаутаса Великого
Каунас, Литва

РУССКАЯ И ЛИТОВСКАЯ СВАДЕБНАЯ ОБРЯДОВАЯ ПЕСНЯ: СЕМАНТИЧЕСКИЕ КОНТУРЫ КАРТИНЫ МИРА

Достижения в области изучения сравнительной поэтики русских и литовских фольклорных жанров остаются весьма скромными. Между тем современное состояние фольклористики позволяет поставить проблему сопоставительной поэтики для более четкого определения картины мира соседствующих народов. Следует уточнить, что традиционный обряд претерпел трансформации, а исследование носит текстологический характер. В основе исследования лежат намеченные

А.-Ю. Греймасом подходы к анализу текста. Сопоставительное исследование фольклорных явлений и XXI в. сохраняет свою актуальность и обращено к диалогу культур. Межкультурный диалог предполагает концептуализацию проблемы сопоставления поэтических текстов, усиливает внимание к теории и методологии исследований. Наряду с постановкой и решением проблем сопоставительного анализа поэтики, семантики, прагматики анализ фольклорного текста помогает определить контуры картины мира. Своеобразной типизацией картины мира с готовой формой для жизненных впечатлений является традиционная фольклорная формула. Обрядовое мышление обусловило эстетические принципы, которые повлияли на особенности традиционной формулы в обрядовой песне. Эти принципы связаны с ассоциативностью – фундаментальным свойством человеческого мышления – и символизацией традиционной действительности как особенностью обрядового сознания. Обрядовое сознание как бы переносит отдельное событие на почву традиции, а традиционная формула, в свою очередь, является сегментом картины мира.

Традиционные формулы и в русской, и в литовской свадебной обрядовой песне сохраняют смысл в неизменном или малоизмененном состоянии. Основные формулы русской и литовской свадебной песни включены в различные части обряда, каждая имеет свой семантический и композиционный контур. И в русской, и в литовской песне – традиционная формула – явление нередкое. Однако в литовских свадебных обрядовых песнях традиционных формул больше. Формула – это актуализация традиции, она свидетельствует о сохранности, древности традиции. В русском и литовском фольклоре формулы наполнены различным семантическим смыслом. Различие кроется в лирическом содержании песни. Семантическим контуром формулы в русской свадебной песне является «печаль». Тра-

диционная формула в литовской свадебной обрядовой песне имеет меньше драматических акцентов. Большая условность формулы позволяет ей быть более свободной в обозначении картины мира. Исследование картины мира в фольклоре опирается на традицию, культурные сигналы, узнавание и сопереживание. Традиционные формулы являются выражением культуры народов, в них находит отражение культурно обусловленное восприятие мира и национальный характер.

*Žydronė Kolevinskienė
Lietuvos edukologijos universitetas
Vilnius, Lietuva*

UŽMIRŠTAS LINGVISTAS: PETRO KRIAUCIŪNO KALBINIAI, KULTŪRINIAI RYŠIAI

Pranešime trumpai pristatomas Petro Kriaučiūno (1850–1916) gyvenimas, jo kalbiniai, kultūriniai ryšiai su žymiaisiais XIX a. pabaigos – XX amžiaus pradžios lingvistais ir filologais – F. de Sossiu, J. Boduenu de Kurtenė, J. Mikkola, F. Fortunatovu, A. Aleksandrovu, A. Leskynu, J. Endzelynu, K. Jauniumi, J. Jablonskiu ir kt.

P. Kriaučiūnas, gimęs 1850 m. rugsėjo 16 d. Vilkaviškio rajone, mokėsi Marijampolės gimnazijoje, 1867–1880 m. studijavo Petrapilio dvasinėje akademijoje. Čia susipažino su K. Jauniumi ir S. Gimžausku, kurie turėjo įtakos jo tolesnei veiklai. Vėliau dar metus mokėsi Varšuvos universitete. 1881 m. išlaikęs egzaminus ir gavęs mokytojo diplomą, pradėjo dirbti Marijampolės gimnazijoje lotynų kalbos mokytoju. Taip prasidėjo našiausias ir svarbiausias jo veiklos periodas. P. Kriaučiūno namai Plokščiuose (Šakių raj.) tapo Europos kalbininkų, tyrinėjančių lietuvių kalbą, traukos centru, lituanistikos židiniu. 1897 spalio 24 d. Peterburge

P. Kriaučiūnas skaito referatą „Mitologinės ištraukos apie ugnį, vandenį ir vėles“, kviečiamas rengti pranešimą 1904 m. turėjusiam vykti visos Europos „slavotyros atstovų suvažiavime“. Prasidėjęs karui, 1915 m. rugpjūčio mėn. kartu su Marijampolės gimnazijos kolektyvu pasitraukė į Rusijos gilumą. Mirė 1916 m. sausio 20 d. Rusijoje, Jaroslavlyje. Ten ir palaidotas. Palaidojimo vieta neišlikusi.

P. Kriaučiūno mokslinių ir literatūrinių darbų išlikusios tik fragmentinės pastabos, užrašai, pavieniai tekstai. Jis visą gyvenimą rinko medžiagą lietuvių kalbos žodynui, rašė lietuvių kalbos gramatiką, rusų kalba išleido lotynų kalbos sintaksę, sudarė lietuvių kalbos ir literatūros programą (1913–1914 m.), parengė graikų kalbos mokymo programą, rinko lietuvių liaudies dainas. Mokėjęs lotynų, graikų, latvių, rusų, lenkų, P. Kriaučiūnas vertė V. Hugo, F. Šilerio, A. Puškino, G. Deržavino ir kt. poezijos kūrinis. Marijampolės P. Kriaučiūno viešosios bibliotekos archyve saugomos knygos iš asmeninės P. Kriaučiūno bibliotekos – A. Šleicherio „Indogermanų kalbų lyginamosios gramatikos apybraižos“ 1-oji dalis, išleista 1861 m. Veimare, A. Vaničeko, K. Kopino, G. F. Hentzbergo veikalai, žodynai, kur paties P. Kriaučiūno ranka pažymėti komentarai, atlikti patikslinantys įrašai įvairiomis kalbomis.

P. Kriaučiūno kalbinius ir kultūrinius ryšius išsamiai pristato jo žmonos Zofijos Zaleskaitės-Kriaučiūnienės (1846–1912) korespondencija.

УСТАНОВКИ МОЛОДЁЖИ ЛИТВЫ ПО ОТНОШЕНИЮ К ЛИТОВСКОМУ, ПОЛЬСКОМУ И РУССКОМУ ЯЗЫКАМ

Что такое «языковые установки»? Как и для чего их измерять? Возможные ответы на эти вопросы будут рассмотрены в рамках данного доклада на примере установок молодежи Литвы по отношению к литовскому, польскому и русскому языкам.

Урегулирование и – в первую очередь – избежание межэтнических языковых конфликтов должны представлять одну из основных задач языковой политики любого современного государства, на территории которого проживают различные этнические группы, и Литва в этом отношении не является исключением. Согласно статистическим данным за 2011 г., в Литве проживает 84,1 % литовцев и 14,8 % представителей других национальностей (1,1% опрошенных не указали своей национальной принадлежности). Самым крупным национальным меньшинством Литвы на сегодняшний день являются поляки (6,6 %), вторым по величине – русскоговорящие жители Литвы (5,8 %). Для того, чтобы языковая политика страны была эффективной, необходимо знать особенности исходной языковой ситуации. Довольно точное представление об этих особенностях можно получить, изучив установки говорящих по отношению к конкретным языкам и на них говорящим. Опираясь на эти данные, можно выдвигать и определенные предположения касательно статуса отдельных языков в конкретном обществе (определение понятия «статус языка» также будет подробно рассмотрено в рамках доклада).

Если случайного прохожего напрямую спросить о том, что он думает по тому или иному вопросу (особенно если тема вопроса имеет политический оттенок), то вероятность получить политкорректный ответ возрастает в несколько раз – и для этого есть множество причин. Основная проблема заключается в том, что в большинстве уже проведенных исследований, касающихся языковых установок, вопросы об отношении к языкам и к говорящим на них задаются именно напрямую, что не исключает возможности искажения объективности ответов. В рамках доклада будет представлена иная техника, позволяющая избежать прямых вопросов и помогающая выявить скрытые языковые установки. Речь идет о так называемой технике *matched-guise*, которая очень часто используется в англо- и немецкоязычных научных трудах по социолингвистике, а в Литве еще практически не применялась. В основном эта техника берется на вооружение для выявления установок по отношению к разновидностям внутри одного языка (к примеру, для выявления отношения к диалектам) и – намного реже – для выявления установок по отношению к разным языкам. Именно последний аспект и находится в центре внимания данного социолингвистического исследования. Несмотря на критику в адрес этой техники, можно утверждать, что она позволяет получить объективные данные, которые могут способствовать принятию эффективных решений касательно языковой политики.

TAUTINĖS TAPATYBĖS TRANSFORMACIJOS NAUJAUSIOJE LIETUVIŲ LITERATŪROJE

Tautinės tapatybės klausimas egzilyje gyvenančiam kūrėjui yra aktualus bet kuriuo metu, kai reikia įvardinti savąjį santykį su tradicija bei vakarietišką kultūrą. Sandūra su svetimomis patirtimis, globalizacijos bei gyvenamojo meto iššūkiais lietuvių literatūroje įgauna gana raiškias formas. Daugelyje literatūros tekstų jos virsta visiems suprantamais stereotipais, supaprastintos universalios kalbos modeliais. Per paskutiniuosius 10 metų yra parašyta itin daug prozos tekstų, kuriuose atsispindi egzilio patirtys. Tai gana marga ir žanriniu bei tematiniu požiūriu įvairi literatūra, tačiau joje išsakytos bene svarbiausios lietuviui, gyvenančiam plačiajame pasaulyje, aktualios problemos: aš ir kitas, sava ir svetima priešprieša, svajonių šalies, vedybų su kitataučiu, paliktų Lietuvoje vaikų temos. Bėgimas nuo postovietinės tikrovės V. Papievio ir I. Pukelytės romanų personažus „įkalina“ savos-svetimos erdvės labirintuose. A. Imbrasas ir D. Staponkutė ilgesnį laiką gyvendami svetur realijos ieško istorinių savo tautos, giminės šaknų, aktualizuoja gimtosios kalbos svarbą.

Per pastaruosius penkerius metus itin populiarūs tapo dieno-raščio, pažintinės kelionių literatūros žanrai. Dalį tokio pobūdžio tekstų yra parašę svetur gyvenantys ar gyvenę lietuvių žurnalistai, rašytojai (B. Jonuškaitė, A. Užkalnis, Z. Čepaitė) juose šalia praktinio pažintinio aspekto svarbus tampa gyvenimo svetur patirčių apibendrinimas.

Paskutiniojo dešimtmečio svetur rašyta jauniausiųjų debiutuojančių lietuvių proza griaua iki šiol dominavusį lietuviškos

tapatybės modelį. Jų kūryboje yra vaizduojama ne pati patraukliausia emigracijos pusė. Jaunųjų autorių personažai dažnai klajoja po pasaulį, ieško savo kūrybinių, žmogiškųjų ambicijų savirealizacijos. Jie sąmoningai atsiriboja nuo gimtinės nostalgijos, ją atmeta, ignoruoja, „matuojasi“ pasaulio piliečio, kosmopolito tapatybę (A. Anros, G. Grušaitės, A. Fominos romanai).

*Гинтаутас Кундротас,
Литовский эдукологический университет
Вильнюс, Литва*

СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ ИНТОНАЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Ю.ИВАНАУСКАЙТЕ «КРЕПОСТЬ СПЯЩИХ МОТЫЛЬКОВ»)

Будучи звуковым средством языка, интонация является универсальным и многофункциональным инструментом передачи интеллектуальной (смысловой) и эмоциональной информации, множества смысловых и эмоционально-стилистических оттенков содержания и одновременно мощным средством языкового воздействия – как в устной (звучащей) речи, так и в письменном художественном тексте.

В устной (звучащей) речи интонация представлена естественно, в ее естественном «первичном» проявлении, здесь ее фонетические признаки и выполняемые функции выражены и воспринимаются непосредственно. В письменной разновидности речи (текста) функциональные возможности интонации, как правило, проявляются в меньшей степени и ограничены рядом условий реализации – обычными и «условными» знаками препинания, их комбинациями, ав-

торскими ремарками, которые могут быть или не быть, то есть она представлена опосредованно, уже в своеобразном «вторичном» ее проявлении, обусловленном целеустановкой автора конкретизировать и обозначить в тексте ее выразительные возможности.

Анализ отражения интонации в текстах художественных произведений разных авторов на материале разных языков показал, что степень внимания к интонации и, следовательно, степень обозначения выражаемых интонационными средствами значений обнаруживает сходные тенденции. Одни авторы интонацию практически «не замечают», другие - наоборот, постоянно и максимально используют ее выразительные возможности. В последнем случае за интонацией (прежде всего за голосом или тоном) в речи действующих лиц закрепляется функция выражения и детализации различий эмоционально-стилистического содержания. Нередко в итоге «языковых игр» в письменном тексте за интонацией закрепляется выражение ряда значений, которые реально интонационно-звуковыми средствами в устной речи не могут быть выражены и таким образом, нельзя обнаружить необходимое соотношение «от значения к средству» или наоборот.

Новое и необычное представление интонации наблюдаем в постмодернистской литературе авторов разных стран, где она используется как особое средство формирования изобразительности и своеобразной семантики произведения. В произведениях постмодернистов на интонацию возлагается функция отражения особого мироощущения человека конца XX и начала XXI века, представленного в их творчестве. Интонация в таких произведениях, наряду с другими языковыми средствами, используется в «практике языковых игр» как компонент шизофренического языка в игре с языком вне всяких правил, нормы (в данном случае интонационной), как интона-

ционное словотворчество, пародирование смыслов, тотальное иронизирование, смешение святого и греховного, высокого и низкого, превращая текст в необычное приключение.

В настоящем сообщении в качестве материала исследования избрано произведение современного литовского автора Ю. Иванаускайте – ее роман „Miegančių drugelių tvirtovė“ (Ivanauskaitė, 2005) - («Крепость спящих мотыльков»).

Для творческой манеры Ю. Иванаускайте характерно использование интонации в широком ее понимании - как средства создания и выражения дополнительной, особой, необычно образной и неожиданной семантики. То, что в тексте не выражено или не может быть выражено словами (лексико-синтаксической основой предложения), по воле автора выражает интонация. В ряде случаев интонация в романе Ю. Иванаускайте становится орудием «языковых игр». Автор использует необычные сравнения и метафоры, значения которых обусловлены контекстуально и вне контекста не воспринимаются. Семантика такого интонационного значения формируется широким предыдущим и **последующим** контекстом. В отличие от звучащей речи (обычной речевой коммуникации), в письменном тексте целостное восприятие содержания, прежде всего той части, которую выражает интонация, становится доступным и ясным лишь после некоторой «задержки», определенного временного промежутка, необходимого для «сбора информации» и концентрации внимания на соответствующем сегменте текста. Особенно это проявляется в ситуации «языковых игр», когда используются необычные сравнения и метафоры, когда прямая соотнесенность выражаемого значения с акустико-артикуляционными средствами (характеристиками голоса) реально отсутствует.

Необходимо отметить, что смысл приводимых примеров вне контекста и без дополнительного комментария был бы

непонятен, тем более в буквальном переводе на другой язык. См. примеры (в скобках указаны страницы в романе):

1) - Tu tą Stumbrą įdavei? – *stumtelėjau savo smalsumą kaip užsispyrusį mulą iš gardo.* (128) - «- Ты этого Стумбраса выдала? – подтолкнула свое любопытство как упрямого ишака из загона»; (спросила любопытно.)

2) - Kokios globos? – *maniežan paleidau naivaus nustebimo ponį.* (128) - «- Какой опеки? – в манеж выпустила пони наивного удивления»; Спросила с наивным удивлением.

3) - Lietuvaičių?! – *į areną išginiau apstulbimo kumelę.* (129) «- Литовцев? – вытолкнула в арену кобылу онемения»; Литовцев? – (онемела от удивления.)

4) - Svilino karštis lygintuvais? – *paskui apstulbimą išrisnojo pasibaisėjimo žirgas.* (130) «- Жгли горячими утюгами? – «вслед за кобылой удивления рысью побежал конь ужаса»; (ужаснулась.)

5) - Kur grįžt? Kodėl? Ko? – *it žonglierius svaidžiau klausimų kamuoliukus.* (130); «- Куда возвращаться? Зачем? Чего? – слово жонглер бросала я мячики вопросов». (быстро задавала вопросы)

Литература

1. J. Ivanauskaitė. Miegančių drugelių tvirtovė. Vilnius, “Tyto alba”, 2005.
2. Kundrotas G. A. Bružas. Интонация в художественном тексте: литература постмодерна (Й.Иванаускайте «Крепость спящих мотыльков», В.Сорокин «Пир») // Meninis tekstas: Suvokimas. Analizė. Interpretacija. – Vilnius: VPU leidykla, 2008. Nr.6 (2), p. 193-204. ISSN 1648-1089.
3. Светозарова Н.Д. Интонация в художественном тексте. Издательство Санкт - Петербургского университета. 2000.
4. S.Valiulis. Справочник по литературоведению. Kaunas, „Šviesa“, 2004, - 255 psl.

ЕВАНГЕЛИЕ ПОЛЬСКОЕ И ЛИТОВСКОЕ ЙОНАСА ЯКНАВИЧЮСА 1647 Г.: К ВОПРОСУ О НЕСКОЛЬКИХ СЛАВЯНИЗМАХ

В 1647 году в издательстве академии Вильнюса печатается Евангелие польское и литовское - памятник восточного варианта письменного языка. Его переводчик – выдающийся культурный деятель Великого Княжества Литовского, а также проповедник, лингвист, переводчик и активный деятель католической реформы. Перевод, осуществленный Якнавичюсом, занимает чрезвычайно важное место среди памятников литовской письменности.

Первое, что стоит отметить при изучении памятника, – это стремление переводчика написать свой текст, пусть даже на диалектном, но литовском языке. Речь в докладе будет идти о славянизмах, которые мы находим при исследовании Евангелия польского и литовского 1647 года.

Евангелие 1647 года представляет собой лекционарий, т. е. фрагменты текста Священного писания расположены согласно порядку церковного года. В современной православной традиции разновидностью лекционариев являются так называемые апракосы. Заголовки перед недельными чтениями подсказывают, какой отрывок должен читаться на определенной неделе.

Lk2:2 Tas parašas pirmas buvo nuog storastos Syrios Cyrino.

Польск. **Ten popis pierwszy stał się od starosty Syryjskiego**
Сургуна.

В польско-литовском Евангелии 1647 года мы находим славянизм, который, пожалуй, также обусловлен традицией и перешел, по данным этимологического словаря, в литовское

богослужение из старых польских текстов. Это славянизм *šmertis*, употребляемый на месте литовского *mirtis* «смерть».

Ioan 8:52 šmerties ant amžiu

Ioan 6:4 ...a buvo arti veliku diena šventa židu

A była blisko Pascha, dzień święty Żydowski.

Вероятно, что тут для переводчика польский текст не является авторитетным, прежде всего, он опирается на традицию, сложившуюся под влиянием восточнославянских текстов. Так, в белорус. Вялікдзень, в укр. Великдень лексема не полностью заимствуется, а калькируется. В современном литовском языке для названия праздника Пасхи существует лексема **Velykos**, хотя корень *-velyk-* в современном литовском литературном языке не употребляется.

Изучая Евангелие польское и литовское, мы часто сталкиваемся с глоссированием, но особый интерес у нас вызывают такие случаи, когда литовская лексема поясняется славянской. **Matth 13:31 visu seklu semenu.** Глосса тут представлена словом **semenu**. Посмотрим на параллельный польский текст, в котором употреблено слово **nasienia**, и убедимся, что лексема не обусловлена влиянием польской традиции. Видимо, выполняющий свою работу переводчик осознавал, что слово **sékla** может оказаться неясным для читателя, так как в ВКЛ на протяжении долгого времени государственными языками были западнорусский и польский языки. Стремясь сделать свой перевод понятным, он комментирует литовскую лексему славянским «**semenu**».

Иногда в переводе предпочтение отдается славянской лексеме, которая, в свою очередь, комментируется литовской. **Matth20:1 priliginta yra karaliste dungaus žmogui gaspadariui šeiminis viešpati/Польск. podobne jest królestwo niebieskie człowiekowi gospodarzowi.**

В литовском переводе калькируется польское сочетание лексем «**człowiekowi gospodarzowi**», причем первый элемент

словосочетание переводится литовским «**žmogui**», а при переводе второго элемента в литовском тексте перед нами явный славянизм, который поясняется глоссой «**viešpati**». Но и для лексемы *žmogus* «человек», в свою очередь, также употреблена глосса «**šeiminos**», которая, по мнению переводчика, видимо, наиболее точно раскрывается смысл евангельской притчи. Перед нами пример довольно сложной переводческой техники, что ещё раз доказывает высокую образованность и знание Священного Писания переводчика.

Среди славянизмов, употребленных в польско-литовском Евангелии 1647 года, находим лексему **duša** и **večeria**, **suditi**, а также слова, образованные от славянского корня **-gotov-**.

На месте литовского корня **-švar-** в польско-литовском Евангелии последовательно употребляется славянский корень **-чист-**, который переводчик искусно окружает литовскими префиксами и аффиксами:

Mathh 8:2 klonios iam bilodamas eigu nori gali mani arčistit. Noriu bus čistas/ pokłonił się mu, mówiąc: Panie! jeźli chcesz, możesz mię oczyścić.

В значении «жизнь» в Евангелии находим лексему **žyvas**. Данное чтение не является индивидуальным и явно восходит к славянской традиции. В нашем памятнике лексема употребляется последовательно.

В значении «кланяться» в польско-литовском Евангелии находим лексему **klonioti**, которая также восходит к польской традиции и последовательно употребляется в Евангелии.

Mathh 8:2 klonios iam bilodamas eigu nori gali mani arčistit. Noriu bus čistas/ pokłonił się mu, mówiąc: Panie! jeźli chcesz, możesz mię oczyścić.

Сделав небольшой обзор польско-литовского Евангелия 1647 года, мы можем сделать следующие выводы: переводчик действительно является выходцем из Восточной Аукштайтии, в

его переводе мы находим огромное количество слов, принадлежащих данному диалекту. Перевод Евангелия осуществляется в годы становления не только литовского языка, но литовского национального самосознания, поэтому и само Евангелие должно будет соответствовать этим потребностям, что прекрасно осознается переводчиком, который старается сделать свой текст максимально доступным, о чем, например, свидетельствуют глоссы, которые могут пояснять как литовскую лексему славянской, так и славянскую лексему – литовской. Несмотря на наличие славянизмов в тексте, большинство из которых восходит к польской традиции, переводчик старается перевести текст все же на литовский, пусть и диалектный, язык. Анализ текста ещё раз подтверждает, что переводчик Евангелия прекрасно знал текст Священного Писания и был знаком с предыдущими переводческими традициями.

Литература

1. [Milda Lučinskienė Jono Jaknavičiaus 1647 metų Ewangelie polskie y litewskie, Lietuvių kalbos institutas, 2006 m., Vilnius.]

*Aurelija Mykolaitytė
Vytauto Didžiojo universitetas
Kaunas, Lietuva*

ISTORINĖ ATMINTIS ŠIUOLAIKINĖJE LIETUVIŲ DRAMATURGIJOJE

Nuo pat pirmųjų lietuvių dramaturgijos tekstų istorinė tematika buvo labai svarbi. XIX a. dramaturgas Aleksandras Fromas-Gužutis pirmasis pradėjo rinktis istorinius siužetus, ilgam įtvirtino

garbingos senovės mitą. Istorinių konfliktų analizės XX amžiuje ėmėsi Vydūnas, Vincas Krėvė, Vincas Mykolaitis-Putinas. Nuo dramaturgo Balio Sruogos istorinė tematika reflektuojama kiek kitaip: ne garbinga praeitis, o skaudžių pralaimėjimų patirtys, žlugimo tema. Šią linkmę sovietmečiu pratęsė Juozas Grušas, ypač atkreipdamas dėmesį į sukilimų laikus. Egzodo dramaturgai istorinius siužetus pasitelkė siekdami perteikti tai, ko cenzūros varžomi būtų visiškai negalėję pasakyti pasilikusieji Lietuvoje: tai rezistencinis judėjimas, kurio patirtys ryškėja Antano Škėmos ir Algirdo Landsbergio dramaturgijoje.

Šiuolaikinė lietuvių drama istorinei tematikai taip pat nėra abejinga. Kuriami tekstai, kurie skirti apmąstyti Lietuvos istoriją. Dažniausiai atsigręžiama į traumuojančią sovietmečio patirtį – bene įtaigiausiai šis laikas atskleistas Sigitos Parulskio pjesėje „P.S. Byla O.K.“, kuri buvo režisuota Oskaro Kuršunovo. Sovietmetis apmąstomas ir Herkaus Kunčiaus pjesėje „Matas“, Vytauto V. Landsbergio pjesėje „Bunkeris“. Gintaras Grajauskas daug dėmesio skiria istoriniams-kultūriniais lūžiams, apmąsto tarpukario-sovietmečio-šiuolaikinio pasaulio sankirtas ir žmogų laikų pervartose, svarsto, į ką remiasi šiuolaikinio žmogaus vertybės. Įvairūs Lietuvos praeities klodai apmąstomi ir Mariaus Ivaškevičiaus pjesėse „Malbūš“, „Madagaskaras“, „Mistras“.

Išskirtinis istorijos apmąstymu yra kompozitoriaus Vidmanto Bartulio draminis kūrinys „Pamokslas žuvims“, vaizduojantis kuršių genties išnykimą. Skirtingai nei Grušo dramoje „Herkus Mantas“, kur reflektuojama prūsų genties žūtis, šiame tekste nėra jokio nuoseklaus siužeto, aiškaus konflikto, interesų susikirtimo: dramaturgas siekia perteikti vidinį monologą, kuris nuolat trūkinėja, neturi rišlumo, nuoseklumo. Šį monologą pertraukia tokie pat nerišlūs mirusios kuršių kalbos žodžiai – kaip kažkada buvusio pasaulio ženklai. Dramaturgui pavyksta įtaigiai, pasitelkiant

savo paties muziką, perteikti erozinę būtį, trūkinėjančius ryšius, bet kartu ir kurti atmintį, parodyti kažkada skambėjusios baltų kalbos grožį.

Taigi šiuolaikinė lietuvių dramaturgija siekia atrasti santykį su artima ir tolima praeitimi, reflektuoja tautos gyvenimo vyksmą. Išskirtina yra tai, kad mūsų dienų autoriai dažniausiai siekia atskleisti trauminę atmintį: istorinės patirtys yra žeidžiančios, veikiančios tiek atskirą individą, tiek pačią kultūrą. Kad būtų išvengta ankstyvosioms istorinėms dramoms būdingo patoso, pasitelkiama ironija, sarkazmas, siekiama nutrinti ribas tarp aukštojo ir žemojo stiliaus, ankstesnių istorinių laikotarpių kalbėjimo manieros parodijuojamos.

*Евгения Назарова
Центр истории Северной Европы и Балтии
Института Всеобщей истории РАН
Москва, Россия*

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛАТЫШСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

Влияние русской литературы и в целом русской культуры на становление латышской культуры в XIX в. было не меньшим, а возможно, и большим, чем немецкое влияние. При этом не следует путать русское положительное влияние, способствовавшее превращению латышей в полноценную нацию, и русификацию, в результате которой латыши, как и другие нетитульные народы Российской империи, должны были превратиться из нации в этнографическую группу.

Демократизм русской литературы привлекал деятелей латышского национального возрождения. Первые переводы

стихов М.Ю. Лермонтова и А.С. Пушкина были сделаны уже в 1850-1860х. гг. Ю. Алунансом (1832-1865), который считается родоначальником латышской письменной поэзии. Большое количество переводов произведений русских писателей – прозы и поэзии – было опубликовано в журнале «Austrums», который начали издавать в Москве в 1885 г. по инициативе К. Валдемарса и главным редактором которого в московские годы журнала был Е. Велме. Кроме произведений А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.А Некрасова, И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского, И.А. Крылова, А.В. Кольцова, М.Е. Салтыкова-Щедрин, В.Г. Короленко и других классиков русской литературы, в журнале печатали переводы только что увидевших тогда свет повестей и рассказов К.С. Баранцевича, И.А. Салова и др., в основном посвященные тягестям народной жизни. Из произведений русских классиков для публикации в журнале выбирались также в основном те, в которых рассказывалось о народной жизни – кроме стихотворений Некрасова и Кольцова, рассказов о крестьянах Тургенева – еще «Утопленник» А.С. Пушкина, «Выхожу один я на дорогу» М.Ю. Лермонтова, др. Вместе с тем, латышского читателя знакомили и с такими великими произведениями, как «Барышня-крестьянка» А.С. Пушкина и «Песня про купца Калашникова» М.Ю. Лермонтова.

Большую часть переводов для журнала сделали молодые латышские литераторы Я. Яунземс и Я. Эсенбергис. Среди переводчиков были также Е. Велме, Ф. Трейланд-Бривземникс. Переводы с русского языка для латышей имело тройственное значение: 1. Знакомство с русской жизнью; 2. Переводы входили важной составной частью в латышскую литературу, не очень богатую тогда собственными оригинальными произведениями; 3. Переводы способствовали значительному обогащению лексики латышского языка.

Хорошее знание русской литературы отразилось в творчестве Ф. Трейланда-Бривземниекса. В очерке о Ломоносове при описании его первого впечатления от Москвы Бривземниекс использует перевод близких ему по восприятию второй русской столицы строк М.Ю. Лермонтова из поэмы «Сашка». А в одном из его стихотворений в значительной мере повторяется содержание стихотворения Н.А. Некрасова «Школьник», тема которого была актуальна для развития народного образования латышей и отражала положение в самой Латвии.

Очевидно влияние сюжета повести А.С. Пушкина «Дубровский» в повести М. Медынской «Крестьянин и помещик». Можно привести и другие примеры.

Влияние русского литературного языка нашло отражение и в увидевшем свет в 1890 г. русско-латышском словаре. В нем приводятся многие слова, которые не использовались или только начинали употребляться в латышском языке. Перевод таких слов на латышский язык сопровождался развернутым их толкованием. Таким образом новые слова закреплялись в латышском лексиконе.

В начале XX в. начинаются уже непосредственные контакты между латышскими и русскими литераторами. Известна переписка В.П. Брюсова, В.И. Иванова, Н.А. Рубакина с К. Крастыньшем, М. Путной, К. Крузой и др., в том числе и о переводах произведений латышской литературы на русский язык. Тем самым обеспечивался выход национальной латышской литературы на общеимперский уровень, это же указывало на провал политики русификации в культурной сфере.

**LIETUVIŲ MIGRANTŲ PROZA: LIETUVIŠKO
TAPATUMO ŽENKLAI K. BARĖNO *DVIDEŠIMT
VIENA VERONIKA* IR A. FOMINOS *MES VAKAR
BUVOM SALOJE***

Dviejų Anglijoje gyvenusių lietuvių autorių romanų palyginimas – išeivijos rašytojo Kazimiero Barėno *Dvidešimt viena Veronika* (1971) ir šiuolaikinės rašytojos Aleksandros Fominos *Mes vakar buvom saloje* (2011) – susitelkiant į juose reprezentuotą erdvę bei taikant postkolonijinį požiūrį į tekstą leidžia nušviesti juose pasikartojančius motyvus kaip galimus Lietuvos kultūros, lietuvių migranto tapatumo ženklus. Abiejuose romanuose pasikartoja simbolinis (apgriuvusios) trobos vaizdinys. Šis erdvinis segmentas kūriniuose apibūdinamas kaip nestabilus, paprastas, skurdus, mažas. Taip troba tampa mažiau „sukultūrintos“, gamtinės, agrarinės Lietuvos kultūros ženklais, pačios Lietuvos metonimija. Minėti epitetai išryškina kultūrinio Lietuvos identiteto nestabilumą (Barėno romane vaizduojamas pokaris, Fominos – postsovietinis Lietuvos laikotarpis). Protagonistės Lietuvai įprastą trobą priešina Anglijos Vindsoro piliai, bokštui – Barbikanui, standartizuotiems plytiniams namams. Taip konstruojama opozicija tarp agrarinės Lietuvos (gimtosios vietos) ir urbanistinės Anglijos (emigracinės erdvės).

Kitas paralelus tapatumo vaizdinys išryškėja per karalystės ženklus, kurie oponuoja apgriuvusios trobos vaizdiniam ir simbolizuoja galią. Postkolonijinis subjektas (o postsovietinį subjektą, šiuo atveju, taip pat galime traktuoti kaip postkolonijinį) anot teoretikų, yra linkęs save išsaukštinti, iškelti. Abi veikėjos yra iš šalies, kuri yra (Barėno romane) arba buvo (Fominos romane)

okupuota sovietų; ten žmogų varžė sovietinės ideologijos normos. Galbūt tokia patirtis lėmė tai, kad abi protagonistės savo sąmonėje persikėlė į panašią, karalių gyventą erdvę – pilį ir bokštą. Postkolonijiniuose naratyvuose būdingas toks valdančiojo ir pavaldžiojo pozicijų apvertimas. Svarbus ir skirtumas, kieno ši aptariama pilis ir bokštas. Fominos romane karalius – lietuvis, bokštas yra Lietuvoje ir pati Ūla dar gyvena Lietuvoje. Tad šis vaizdinys ženklina postsovietinio subjekto strategiją imituoti sovietų galią – taip jis savo lietuviškumą „išaukština“, „iškelia“ prieš sovietiškumą. Šis iškelimas ironiškas, nes pastatas, kurį Ūla vadina „karaliaus bokštu“ – sovietinis. O Barėno romane pilis susieta su Anglijos teritorija, istorija ir tiesiogiai ženklina jos galią. Apsigyvendama pilyje emigrantė Veronika šią galią suteikia sau.

Dar vieną paralelų vaizdinį žymi Barėno vaizduojama DP stovykla ir Fominos aprašomi skvotai – laikinos, ankštos erdvės. Ten apsisotja „išvietinti“ žmonės – be savo vietos, be namų. Romanuose pasikartoja ir kiti tarpinių, pereinamą protagonistčių (e) migrančių būvį žymintys įvaizdžiai: autobusai, traukiniai, stotys, kelias, takas. Taip pat – ribą tarp dviejų erdvių – namų vidaus ir išorės – ir perėjimą iš vienos erdvės į kitą žymintys objektai: slenkstis, langas, tvoros.

Be to, abiejuose romanuose ryškiai reflektuojama dirbančio žmogaus patirtis. Darbas kaip veikla kūriniuose tampa emigraciją apibūdinančia ypatybe. Fominos romane darbas atspindi ir sovietinę sistemą, kuri aktyviai deklaravo darbo svarbą ir darbininkų valdžią.

Abiejuose kūriniuose parodomas žmogaus, (e)migranto vienumas ir jo jaučiamas bendruomenės trūkumas. Tiek Veronika, tiek Ūla yra užsidariusios asmenybės, daug laiko praleidžia vienos, paskendusios savo mintyse, prisiminimuose, apmąstymuose. Šis vienumo motyvas, ryšio su bendruomene nebuvimas romanuose įprasminamas skirtingais būdais, formomis, jį nulemia skirtingos

aplinkybės. Tačiau šiuo atveju daug svarbiau, kad skirtingos rašytojų strategijos išryškina tą patį vienumo motyvą, atveria tam tikrą dėsningumą (e)migraciją vaizduojančioje lietuvių literatūroje.

Sigita Rackevičienė, Liudmila Pogožilskaja
Mykolo Romerio Universiteto Humanitarinių mokslų institutas
Vilnius, Lietuva

CERTAIN ASPECTS OF FORMATION OF CONSTITUTIONAL ONE-WORD TERMS IN LITHUANIAN AND ENGLISH

The present study analyses the method patterns of word-formation of single-word legal terms or constituent parts of multi-word legal terms on the basis of the terminology of constitutional law in Lithuanian and English. The aim of the study is to reveal the differences between the methods of word-formation in the two languages in general and the term-formation in the sphere of the constitutional law in particular. The main methods of the research used are contrastive analysis of methods of word-formation in the analysed languages and the statistical analysis of the collected data.

For the purpose of the word-formation analysis words can be classified into simple (i.e. consisting of one free morpheme), and complex (i.e. derivatives consisting of free and bound morphemes) and compounds (i.e. consisting of more than one free morpheme). Simple words cannot be analysed into smaller meaningful units and are not motivated in the sense of word-building. On the contrary, complex and compound words can be analysed into smaller meaningful units (free and bound morphemes) and are motivated.

The analysis seeks to reveal what formal types of terms (simple, complex or compound) dominate in the investigated Lithuanian,

and English material. The second aim of the research is to analyse the terms with complex structure (derivatives) – to determine the basis of their derivation (word classes they are made of) and means used for their formation (prefixation, suffixation, inflexion, conversion or mixed type of word-formation (e.g. the use of prefixation and suffixation). The third aim is to analyse the formal patterns of the compounds and to determine which of them dominate in the Lithuanian and English material.

The empirical part of the study focuses on the differences of the discussed methods of word-formation in Lithuanian and English as applied to a set of legal terms in the sphere of constitutional law. The data was collected by means of lexical analysis software to generate word lists in both alphabetical and frequency order.

The contrastive and statistical analysis of the obtained data reveals that there are important differences in the word-formation of legal terms in Lithuanian and English, e.g.:

The Lithuanian language, alongside the main word-formation methods of derivation and composition, makes use of other derivational means and formants, such as inflection, which in Lithuanian can be used as a means of derivation, e.g. *kaltas* – *kaltė*, and as an additional means of word-formation used together with prefixation (*antrankiai*) and composition (*savivaldybė*); meanwhile in English inflection is never used as a means of word formation as the only function of it is to produce grammatical forms of the word.

The English language extensively uses conversion as a method of word-formation (e.g. to judge – a judge), whereas this method is not characteristic of Lithuanian, although there are several instances of conversion used, e.g. *kaltinamasis*, *sulaikytasis*.

The final results of the research will be discussed during the report and presented in a scientific article.

GRAMMATICALIZATION AND LEXICALIZATION IN SPEECH ACTS NOMINATION: THE CONTRASTIVE ASPECT

In the last decade the processes of grammaticalization and lexicalization have also come into the focus of Latvian linguistics; furthermore, the research results demonstrate that, in this respect, similar regularities across the same word classes can be found in different languages.

While examining various cases of grammaticalization in Latvian and contrasting them with the respective recurrent developmental regularities I have tried to provide a theoretical and practical account of the semantic and formal mechanisms that determine both the development of lexical items into grammatical ones and grammatical elements into lexemes. Although both the grammaticalization and lexicalization involve semantic bleaching and erosion, a typical result of the lexicalization is individual, while the result of grammaticalization in relation to different semantic classes of lexical units is largely regular.

The research results indicate that certain lexical items are subjected to grammaticalization particularly frequently, thus supporting the approach which requires the examination of different semantic classes separately.

Combinations of a noun with a verb constitute examples of grammaticalization and lexicalization in Latvian and Russian. Here, the verb has partially or completely lost its lexical meaning and become a functional word. As to its semantic structure, such verbal components are mostly polysemous words. This is expected

given that the polysemy of a word can further the distribution of analytic combinations.

Intense development of comparative studies is a characteristic feature of contemporary linguistics; it is determined by both practical and theoretical factors. Comparative linguistics that investigates the semantic level of language appears as one of the brightest and efficient forms of interaction among fundamental and applied research perspectives. The diversity and many-sidedness of this research make it possible to analyze the factological material and critically evaluate the conception of its reflection in research literature, lexicographic sources, linguo-didactical means, etc. The results of comparative analysis reveal the qualitative, quantitative, and national particularity of compared systems that is a useful material for scholars working in diverse disciplinary fields.

Lexico-semantic groups of two languages are usually compared by analyzing the material of explanatory and translating dictionaries, thus comparing traditional interlingual equivalents. The preparatory stage of the present research was related to a similar approach, yet a detailed and careful analysis led to a conclusion that this kind of study of Russian and Latvian verbs of speech does not provide a comprehensive material for interpretation, thus we decided to extend the comparative analysis to include the functional aspect as well regarding the use of verbs of speech in the original text and its translation.

The factual material of the present research work has been excerpted from A. Chekhov's short stories and their translations into Latvian that are gathered in one volume published in 1985. The comparative analysis of an original text and its translation makes it possible to conclude that in most of the cases it is possible to adequately render the Russian analytical combinations in Latvian, which actualize the importance of speaking; in the same way as it is with words having corresponding one-word

equivalents. The present investigation shows that, on the one hand, in comparison with Russian, Latvian is more analytic in nomination of particular speech acts; but on the other hand, the semantic capacity of words of the Russian language is greater.

Vilija Saliėnė
Lietuvos Edukologijos Universitetas
Vilnius, Lietuva

LIETUVIŲ KALBOS MOKYMO IŠTAKOS

Nuo pirmosios mokyklos (1397m.) įsteigimo buvo gyva didaktinė mintis Lietuvoje.

Pirmasis, prabilęs apie gimtosios kalbos mokymo svarbą, buvo Martynas Mažvydas. Visų pirma jis teigė, kad tikėjimo mokyti galima tik gimtąja kalba. M. Mažvydas pabrėžė tokias gimtosios kalbos mokymo idėjas: mokymas turi būti vaikui pagal jėgas, nuolat reikia lavinti įgūdžius, mokyme turi vyrėti pratybos.

1570 įsteigus Vilniaus kolegiją ir 1579 metais Vilniaus universitetą, didaktinių klausimų svarbą lėmė jėzuitų ordino instrukcijos. Randasi humanizmo pedagoginių idėjų, kurios buvo labai svarbios gimtosios kalbos ugdymo plėtotei.

XVII amžiuje daug dėmesio humanistinėms idėjoms skyrė Žygimantas Liauksminas. Ž. Liauksminas aptarė ne tik iškalbos mokymą, bet ir bendruosius mokymo principus ir metodus, išskyrė sąmoningumo, vaizdumo ir aiškumo principus.

Jėzuitų pedagogikoje, kuri iki 18 a. buvo giliai išsisknijusi Lietuvoje, mokymo metodika buvo paremta verbaliniu mokymu, mokymo turinys pateikiamas logiškai ir sistemingai. Dirbant verbaliniu metodu buvo žadinamas mokinio aktyvumas. Šiuo laikotarpiu mokyklose buvo mokoma lotynų kalba.

XVIII a. Lietuvoje mokymo turinį, metodus ir didaktines nuostatas sąlygojo šviečiamoji amžiaus idėja. Ignotas Masalskis akcentuoja stebėjimo ir indukcinį – analitinį mokymo metodą, mokymo svarbą gimtąja – krašto – kalba. K. Narbutas, didelis scholastikos priešininkas, akcentuoja mokymo nuoseklumo, aiškumo ir prieinamumo principus.

XVIII a. antroje pusėje Lietuvoje vyravo mokymas lenkų kalba, todėl kalbėti apie gimtosios kalbos ugdymą keblu.

Po 1831m. sukilimo rašomi elementoriai, vadovėliai, plinta lietuviška mokslinė, grožinė literatūra.

Simono Daukanto darbas „Abėcėlė lietuvių, kalnėnų ir žemaičių kalbos“ (1842) svarbu tuo, kad jame jau pridėti trumpi nurodymai, kaip mokyti(s) skaityti, pirmą kartą garsinis skaitymas susiejamas su rašymu.

Kajetono Aleknavičiaus darbuose nemaža vertingų didaktinių minčių, galime išvelgti pirmuosius apibrėžtus mokymo principus (sistemingumą, prieinamumą, individualumą).

Nemažą indėlį į didaktinės minties raidą įnešė Motiejus Valančius. Nors jis ir nekūrė atskiros didaktinės teorijos, iš jo kūrinijų aiškėja didaktinių teorijų visuma. Aiškiausias M.Valančiaus siekiamas didaktinis tikslas – mokyti vaikus lietuvių kalba.

Naujai į didaktines problemas Lietuvoje pažvelgė Jonas Šliūpas, skatinęs mokyti tų dalykų, kurie svarbūs gyvenimui, skatina mokinių interesus, ugdo mąstymą. Remdamasis filosofija, psichologija, pedagogika, skatino pažinti mokinį ir mokant eiti nuo konkretaus prie abstraktaus, nuo paprasto prie sudėtingo.

XX a. pradžioje pasikeitus Lietuvos kultūrinei situacijai, leidžiami pedagogikos žurnalai. Be žymiausių to meto pedagogų – Jono Vabalo–Gudaičio, Stasio Šalkauskio, Antano Maceinos – įvairiais mokymo klausimais daug rašė Jonas Jablonskis, Gabrielė Petkevičaitė–Bitė, M. Pečkauskaitė, Vydūnas.

1919–1920 metais, stabilizavusis politinei ir ekonominei Lietuvos padėčiai, imtasi praktiškai įgyvendinti lietuviškos mokyklos idėja, kurioje pagrindinis vaidmuo tenka gimtajai kalbai ir literatūrai.

1936 metų švietimo reforma akcentavo bendrojo lavinimo mokyklos tautiškumą, tai lėmė lietuvių kalbos didaktikos raidos kitą etapą: siekiama mokinių estetinio lavinimo per lietuvių kalbos ir literatūros pamokas.

Nuosekliau lietuvių kalbos mokymo nuostatas savo darbuose apibrėžia M. Vasiliauskas, J. Murka, J. Norkus. Šiuo laikotarpiu mokymo tikslai buvo formuojami atsižvelgiant ir į vaiko kalbos vartosenos poreikius. Todėl viena svarbiausių nuostatų buvo ugdyti šnekamąją ir rašomąją kalbą.

Vienas ryškesnių to meto didaktų buvo Andrius Ašmontas (1906–1941). Jo lietuvių kalbos dėstymo metodikos paskaitos iš rankraščių buvo paskelbtos tik 2005 metais.

*Irita Saukāne
Daugavpils Universitāte
Daugavpils, Latvija*

DAŽAS OKAZIŅŅALISMU IEZĪMES LATVIJAS PRESES TEKSTOS

OkaziŅŅalismus – runas lĪmeņa faktus – var bieži konstatēt daļādos Latvijas preses izdevumos. OkaziŅŅalismi piesaista mērķauditorijas uzmanĪbu, atdzĪvina tekstu, apliecina žurnālistu radošumu un prasmi izvēlēties tādas izteiksmes lĪdzekļus, kas noteiktā situācijā ir visietekmĪgākie, komunikatĪvajam nolūkam visatbilstošākie.

OkaziŅŅalismi ir vākti lielākajos Latvijas laikrakstos („Diena”, „NeatkarĪgā RĪta AvĪze”), fragmentāri tie piefiksēti arī citos preses

izdevumos. Žurnālistu darinātie vārdi ir sastopami rakstos par daudzām tēmām: par kultūru, atpūtu, sportu, rakstos par dzīvniekiem, dažādiem vaļaspriekiem, arī intervijās. Okazionālistus iespējams grupēt pēc dažādām pazīmēm.

Okazionālistus var iedalīt vairākās apjoma ziņā atšķirīgās semantiskās grupās, dominējošā no tām ir personu nosaukumi. Personu nosaukumi ir tā individuālo darinājumu grupa, kas ir detalizēti pētīta arī krievu valodniecībā, piem., A. Judina 20. gs. 80. gados ir atzinusi, ka tā „ir viena no plašākajām okazionālās leksikas grupām, un tā nemitīgi tiek papildināta” [Юдина, 1989].

Jānorāda, ka padomju presē dominēja ar profesiju vai specialitāti saistīti apzīmējumi (to lielā mērā noteica preses izdevumu tematiskā ievirze), savukārt 21. gs. sākumā iezīmējas to okazionālistu pārsvars, kas saistīti ar cilvēku brīvā laika pavadīšanas iespējām. Ir ekscerpēti personu nosaukumi pēc nodarbošanās veida (plašā izpratnē) – tā var būt gan pastāvīga nodarbošanās, gan arī tāda, ko veic zināmu (īsu) laiku, līdz ar to iespējams nodalīt vairākas apakšgrupas (mājdzīvnieku vai mājputnu audzētāji, makšķernieki, pasākumu apmeklētāji, to atbalstītāji vai noliedzēji u.c., piem., *strausisti* (strausu audzētāji), *nedirektori* (cilvēki, kas nav direktori), *sīklomnieki* (makšķernieki, kuri sacensībās izvelk sīku lomu) u.c.

Arī okazionālisti, ko var saukt par laika zīmēm preses tekstos, veido plašu grupu. Šādus darinājumus motivē sabiedrībā zināmu cilvēku (politiķu, žurnālistu, aktieru u.c.) uzvārdi vai vārdi, politisku partiju vai apvienību, arī sabiedrisku organizāciju nosaukumi. Piemēri: *strautmaņkrēvicraidījums* (televīzijas raidījums pēc tā vadītāju uzvārdiem), *kalvīšgeita* (notikumi, kas saistīti ar ministru prezidenta A. Kalvīša atkāpšanos no amata), *mārzemnieki* (partijas biedru apzīmējums pēc tās nosaukuma). Paši okazionālisti savdabīgā veidā sniedz norādi uz šo darinājumu rašanās laiku, jo ir ciešā saistībā ar valsts un sabiedrības dzīvē

notiekošo. Jauniem notikumiem, nereti arī politiskiem skandāliem ir nepieciešami nosaukumi. Lai saprastu, kāpēc ir dots tieši tāds apzīmējums, lasītājam (skatītājam, klausītājam) ir jābūt ar plašu redzesloku, jāpārzina laikmeta svarīgākās norises.

Citu grupu veido dzīvnieku apzīmējumi. Plašāko apakšgrupu veido suņu nosaukumi: preses izdevumos regulāri tiek publicēta informācija par dzīvnieku patversmju iemītniekiem, kuri gaida saimnieku. Lai pārliecinošāk, saistošāk uzrunātu lasītāju, žurnālisti rada jaunus, neparastus vārdus, dažkārt ar noslieci uz humoru, piem., *suņdraiskulīte*, *suņvīriešbūtne* u.c.

Ne tik plašu grupu veido okazionālismi, kas nosauc procesu vai darbības rezultātu, kā *krīzēšana* (atrašanās krīzē) u.c.

Runājot par okazionālismu darināšanu, jānorāda, ka ir izmantoti vairāki paņēmieni, kā morfoloģiskais (it īpaši sufiksācija), sintaktiskais, sintaktiski morfoloģiskais. Tāpat izmantoti arī kombinētie vārddarināšanas paņēmieni. Ar dažādiem paņēmieniem darinātie okazionālismi iegūst savas specifiskas īpatnības, kas tos atšķir no ūzusā ietilpstošajiem vārdiem. Piemēram, darinot personu nosaukumus, par motivētājevārdiem ir izmantoti apstākļa vārdi un prievārdi. Savukārt salikto darināšanā izmanto internacionālus elementus, arvien biežāk ir konstatējami trīs (un vairāk) komponentu darinājumi. O. Bušs norāda uz „maksimāli brīvas salikto darināšanas tendenci” un tādā ziņā „latviešu valoda arvien vairāk tuvojas tādiem paraugiem kā vācu valoda vai somu valoda” [Bušs, 1998].

Var norādīt dažādus okazionālismu radīšanas iemeslus. Tā noteikti ir nepieciešamība rast vienā vārdā izteiktu piemērotu, precīzu, arī aksioloģiski marķētu apzīmējumu jauniem notikumiem, procesiem. Okazionālie darinājumi bieži aizstāj vārdu savienojumu vai plašāku konstrukciju. Tāpat skaidri iezīmējas žurnālistu vēlme sīkāk diferencēt esošos apzīmējumus, uzsvērt kādu specifisku niansi.

Literatūra

1. *Višs O.* Okazonālie jaunvārdi mūsdienu publicistikas tekstos funkcionālā skatījumā // *Linguistica Lettica*, 2. Rīga, 1998. 38.–42. lpp.
2. *Юдина А.Д.* Окказиональные наименования лиц. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Ленинград, 1989. 23 с.

*Мария Семенова,
Латвийский Университет,
Рига, Латвия*

РОЛЬ И ФУНКЦИИ КОНЦЕПТА «ИНАКОВОСТИ» В ЖЕНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ЛАТВИИ И ФИНЛЯНДИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ

Женская литература рассматриваемого периода представляет собой отвлеченный культурный опыт в обеих странах из-за преэмпирической отстраненности от создания литературного канона или традиции раннего модернизма.

Концепт модернизма не применим к женским текстам по ряду причин, одной из важнейших является отсутствие структурированного литературного наследия, вовлечения в смену философской парадигмы рубежа веков, а также отстраненного характера самого жанра автобиографии.

Автобиография и ее женская вариация в данном исследовании рассматривается как сочетание трёх структурных элементов жанра: *auto* (самость), *bios* (индивидуальная и коллективная история), и *graphos* (или диатактика, принцип выбора и размещения воспоминаний и личного опыта в художественном тексте).

«Инаковость» в женской автобиографии – это почти «натуральное» продолжение жанра. Автобиографичность женской литературы периода модернизма функционирует на уровнях выбора художественных тропов (особенно характерных для модернизма метафор), принципов построения нарратива (обязательная отстраненность между «реальным я» и «автобиографическим я» и его видами, по терминологии Сидони Смит и Юлии Ватсон - Sidonie Smith, Julia Watson), а также принципов использования исторической и эпистемологической «рамки» и «рамирования» автобиографического нарратива. Традиционной для прозы Л.Онервы и Анны Бригадере является репрезентация существующей власти и идеологии (в обоих контекстах – это последние десятилетия существования имперской власти конца 19-начала 20 века) через призму женской идентичности. Последняя создается в результате взаимодействия концептов телесности: здесь тело и его функции, к которым привлечено внимание в тексте, - это результат физического влияния различных идеологических механизмов (политика рождаемости как физическая идеология), самости (психологические механизмы идеологии) и памяти (идеологии истории и женской «историчности»).

Предложенные для анализа тексты определяет неоднозначность построения автобиографического нарратива. Концепт «инаковости» представляется как результат влияния внешних сил (политическое устройство, этнические и гендерные различия).

В результате исследования трилогии Бригадере («Dievs, daba, darbs») и романа Л.Онерва (“Mirdja”) возможно определить наиболее характерные особенности автобиографии периода смены веков: 1. Автобиография в женской литературе – это любое повествование, в которое вовлечена фрагментарная история характера (-ов), остальные жанровые характеристики

могут быть игнорированы; 2. Идеологическая составляющая определяет процесс выбора и ретрансляции воспоминаний, а также категории памяти как таковой (основная ось развития автобиографии и автобиографических тенденций в женском нарративе) и др.

*Ольга Владимировна Синёва
Московский государственный университет,
Москва, Россия*

ОБРАЗ АВТОРА И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СУБЪЕКТНЫХ СФЕР АДРЕСАНТА И АДРЕСАТА ПИСЕМ В РОМАНЕ Р.ГАВЯЛИСА «JAUNO ŽMOGAUS MEMUARAI»

Жанровое своеобразие романа Р. Гавялиса «Jaunojo žmogaus memuarai» – письма-воспоминания – определяет интерес исследователя к образу автора в соотношении с адресатом писем и читателем. «Я» автора чётко противопоставлено «Ты» – адресату, отсюда взаимодействие объективного и субъективного начал, преломляющихся в диалогической структуре монолога-письма. «Я» рассказчика проявляется в реальных, воссозданных в памяти, диалогах мемуаров. Специфичность романа также определяется и жанром самих писем, писем iš aparų ('по ту сторону жизни', 'с того света'). Написание писем iš aparų мотивировано стремлением помочь осознать истинные ценности жизни, её правду и неправду, влияние личности на историю и национальное самосознание, на собственное место в социуме (bendrijoje). При этом жизнь воспринимается как игра, как книга (Gavelis 2007, с.26, с. 216). Мотив помощи – не альтруизм, а надежда на то, что дело будет доведено до конца

(там же, с. 26). Заявленный жанр писем iš anapus позволяет оправдать роль всевидящего, всезнающего автора, способного проникнуть во внутренний мир персонажа «Ты»: *“Šyptelėjai pats sau: tu stengsies, o jis kiekvieną mirksnį seks, kaip tau sekasi... Tad ko jis vis dėlto nori?”* (с.179)

Адресат писем становится активным действующим персонажем, а его образ реализуется в системе дихотомически представленных речевых жанров: согласие/ несогласие в дискуссии или размышлении; обвинение/ прощение; обида (или упрёк)/ сожаление. Адресант-автор апеллирует к вниманию, пониманию, к памяти, к ответственности адресата писем, Томаса Кялертаса. Читатель воспринимает автора через призму оценок адресата писем, отраженных в реакциях на эти оценки, в пережитой речи. Возникает субъектное многоголосие, по В.В. Виноградову.

Субъектные речевые сферы представлены цитацией *“Gerai įsiminiau tavo mėgstamą posakį: „Paaiškinkit man, kas yra teisybė... “* (с.12), лексическими приёмами несобственно-прямой речи в соотношении с синтаксической основой косвенных способов передачи речи персонажа: *“Garsiai vis vadindavai žmogų šiukšle ir kirmini... “* (с. 13) / *“Išropodavau iš savojo Vilijampolės pusrūsio tarsi koks kirminas... “* (с. 27); различные способы выражения относительного значения времени настоящего в прошлом, преждепрошедшего, будущего в прошлом, используемые для передачи внутренней речи персонажа.

Таким образом, создаётся глубинная перспектива. Неоднократный возврат к прошлым, ранее обсужденным темам, устремляет читателя романа в глубину, создаёт движение и напряжённость в глубине. Авторское «Я» представлено через восприятие «ты», с которым это «Я» спорит, стремится освободиться от его влияния, от видения мира через его точку зрения.

Литература

1. В.В.Виноградов «Стиль «Пиковой дамы». М., 1941.
2. И.И.Ковтунова «Несобственно прямая речь» в языке русской литературы конца XVIII - первой половины XIXв. М., 2010.

*Inese Suhane
Daugavpils Universitāte
Daugavpils, Latvija*

IDENTITĀTE PĒCATMODAS POSMĀ: ALBERTS BELS UN SERGEJS PIČUGINS

Deviņdesmitajos gados pasaules literatūrā notiek globalizācija. Paātrinātos tempos tiek iepazīta Austrumeiropas un bijušās PSRS republiku literatūra, arvien lielāku ievēribu gūst angļiski topošā literatūra bijušajās kolonijās. Savukārt interneta attīstība paātrina un paplašina informācijas apriti, tādējādi sekmējot daudzveidīgas un multikulturālas literatūras attīstību.

Deviņdesmito gadu sākums latviešu literatūrā bija gan sociālo, gan morālo, gan estētisko vērtību pārvērtēšanas laiks. Literatūrzinātnieks Benedikts Kalnačs norāda:

Pirmajos desmit gados pēc neatkarības atjaunošanas strauji veidojās jauna realitāte, kuras orientieri atšķirībā no iepriekšējā perioda lielā mērā tika atvasināti no 20. gadsimta beigu Rietumu sabiedrības nostādņēm ekonomikas un kultūras jomā. (Kalnačs 2011: 180)

Pēcatmodas latviešu literatūrā dominējošā tematiskā līnija ir saistīta ar vēsturiskā materiāla pārvērtējumu jeb tā saukto balto vēstures plankumu izgaismošanu, it īpaši 20. gadsimta otrās puses vēsturi, kas saistīta ar Latvijas iekļaušanu PSRS sastāvā, totalitārisma režīmu, valdošo ideoloģiju un vēstures mitoloģizāciju kā vienu no līdzekļiem, lai manipulētu ar sabiedrību. Otra tematiskā līnija

ir saistīta ar sociālo un psiholoģisko pārvērtību atspoguļošanu sabiedrībā pēc neatkarības atjaunošanas, kad politisko eiforiju 90. gadu sākumā nomaina vilšanās izjūtas un cīņa par eksistenci nežēlīgajos ekonomiskajos apstākļos 90. gadu otrajā pusē.

Latviešu rakstnieka A. Bela romānu „Latviešu labirints” var nosaukt par laikmeta griežu romānu. Tas tēlo pēcatmodas laiku, kad irst ģimenes, bērni nespēj un negrib saprast vecākus, arvien asāk atklājas egoisms un atsvešinātība, nesaskaņas sabiedrībā, spilgtāk saredzamas padomju varas sekas, kā arī nesakārtotā likumdošana Latvijā pēc neatkarības atgūšanas.

Savukārt rakstnieka Sergeja Pičugina garais stāsts „Kuprītis” ir vēstījums par aizmirstu un visu atstātu mūziķi, kas vientuļi spēlē klavieres savas nu jau kādam pārdotās mājas bēniņos.

Vēsturi veido konkrēti, reāli notikumi, par kuriem ir saglabājušās liecības, ar kuru palīdzību var pierādīt stāstītā patiesību, citiem vārdiem, vēsture pēta cilvēku sabiedrības attīstību kopumā un pārmaiņas cilvēku dzīvē dažādos vēstures periodos un dažādās vietās.

Abu autoru – gan A.Bela, gan S. Pičugina – darbu centrā ir pēcatmodas Rīga kurā pēc totalitārisma būra sabrukšanas valda milzīga atsvešinātība cilvēkam no pasaules, cilvēkam no cilvēka, cilvēkam no cilvēciskā.

Nācijas un valsts vēsture nav nošķirama no nacionālās identitātes. Pats nācijas jēdziens ietver kopīgas (identas) vērtības, kas sakņojas kolektīvā apziņā. Nācijas pamats ir kopīga politiskā un kultūras pieredze, kas iegūta pagātnē un tiek nodota tālāk.

Vēsture ir cieši saistīta ar nacionālo identitāti, jo vēsture kā nācijas atmiņa ir nacionālās identitātes pamats, tādēļ likumsakarīgi, ka pēcatmodas laikā mazsvarīgs kļūst identitātes etniskais aspekts, jo kļuvis iespējams atklāti pievērsties tieši nacionālās identitātes aspektam un nelielās valstiskās pieredzes izvērtējumam.

Identitātes veidošanās ir ilgs process, kas atkarīgs no vēsturiskiem apstākļiem, un indivīdam piemīt vēlme saglabāt savu identitāti, jo tā ir sociālās orientācijas pamats.

Tomēr pēcatmodas laikā vairs nav svarīgi uzrunāt etniskās identitātes apziņu un analizēt nacionālās identitātes aspektu, cik psiholoģiski nepieciešams ir izrunāt ne vien totalitārā režīma radītās pāridarījuma sāpes, bet arī sāpes par pasaules vienaldzību un neieinteresētību mazu nāciju likteņos.

Literatūra

1. Kalnačs 2011 – Benedikts Kalnačs. Baltijas postkoloniālā drāma. Rīga: LU Literatūras, folkloras un mākslas institūts.

*Ilga Šuplinska,
Rēzeknes Augstskola
Rēzekne, Latvija*

LATGALES LINGVOTERITORIĀLĀS VĀRDNĪCAS LOMA LATGALISTIKAS PĒTĪJUMOS

Informācijas pārpilnības un globalizācijas gadsimtā mazāk lietotās un/vai reģionālās valodas var neatgriezeniski pazust savas zemās konkurētspējas, utilitārās funkcijas neesamības dēļ, taču līdz ar valodu zūd arī īpašs domāšanas veids un noteiktas kultūras tradīcijas, notiek neprognozējamas izmaiņas zaudētās valodas nesēja mentalitātē, tāpēc ir svarīgi gādāt par valodas kā pašvērtības, un, ja iespējams, arī kā praktiska komunikācijas rīka nodrošināšanu un saglabāšanu dažādās lietojuma sfērās.

Kaut arī terminu „latgalistika” jau labu laiku izmantoja, piemēram, akadēmiķis Vladimirs Toporovs un daži citi valodnieki,

tikai 2007. gadā veikti nepieciešamie priekšdarbi (Sanktpēterburgas Valsts universitātes Baltistikas nodaļas vadītājs Aleksejs Andronovs un LU Dialektoloģijas un latgalistikas centra vadītāja prof. Lidija Leikuma) latgalistikas pētījumu virziena iedibināšanai Latvijā. 2008. gada 19.–20. septembrī notika pirmā latgalistikas konference Sanktpēterburgā. Vietas izvēle ir simbolisks atskaites punkts latgaliešu valodas, literatūras, kultūrvēstures izpētei, jo 19. gs. beigās un 20. gs. sākumā tieši Pēterburgā veidojās pirmā latgaliešu inteliģence.

Rēzeknes Augstskolā triju gadu garumā (2009–2012) tika realizēts ESF projekts „Teritoriālās identitātes lingvokulturoloģiskie un sociālekonomiskie aspekti Latgales reģiona attīstībā” (TILRA), kura viens no galvenajiem pētījumu rezultātiem ir „Latgales lingvoteritoriālā vārdnīca”. Vārdnīcas pamatfunkcijas ir šādas:

- atklāt Latgales latvieša (latgalieša) savdabību, viņam raksturīgo kultūras lauku;
- izcelt tos Latgales konceptus, kas ir aizmirsti vai mazāk zināmi, bet svarīgi reģiona valodas, kultūras, katra indivīda attīstībai, savstarpējai komunikācijai un sadarbībai (inkulturācijas veicināšana);
- sekmēt cittautiešu akulturācijas procesu Latgalē. [Šuplinska, 2012]

Latgales lingvoteritoriālā vārdnīca ir daudzvalodu (300 šķirkļi ir doti 4 valodās – latgaliešu, latviešu, angļu, krievu) vidēja lieluma (katrs sējums ~56 autorlokšnes) enciklopēdiska rakstura vārdnīca, kurā pamatā tiek izvērsti koncepta skaidrojums, tai pašā laikā, sniedzot arī filoloģiska rakstura informāciju. Vārdnīca ir veidota 2 sējumos: 1. sējums latviešu un krievu valodā, 2. sējums – latgaliešu un angļu valodā. Latviešu un latgaliešu valodā šķirklis ir dots pilnā apjomā (~1–3 lpp.), savukārt – krievu un angļu valodā ir pieejami šķirkļu īsinātie varianti. To noteica vārdnīcas izstrādes resursi un laika ierobežojums.

Veidojot vārdnīcu, bija jārisina vārdnīcas tipa, vārdnīcas pamatvienības, šķirkļu atlasas problēmas. Šobrīd vārdnīca ir pilnīgākais enciklopēdiska rakstura izdevums latgalistikā, kas starpnozaru pētījumu veidā:

- palīdz definēt KAS un KĀDS ir latgaliskais latviskums, kāds tas var veidoties nākotnē,

- parāda, ka gadsimtiem ilgā dažādu kultūru saskare nav iznīcinājusi latgaliešiem raksturīgās vērtības,

- iezīmē aprises Latgales latvieša (latgalieša) kultūras telpai.

[Šuplinska, 2012]

Pēc vārdnīcas iznākšanas ir aktualizēta tās datu bāzes izmantošana vairākās latgaliešu valodas funkcionalitāti pastiprinošās aktivitātēs:

- tika organizēts 12 raidījumu cikls „Latgolys Radejā” (2013) par 12 vārdnīcas konceptiem un to izpratni un izpausmēm mūsdienās,

- tiek realizēts jauns projekts „Virtuālais muzejs” (2012–2014) starprobežu programmā Latvija–Lietuva–Baltkrievija, kurā tiks publicēta vārdnīcas avotu datu bāze,

- tiek realizēts studiju kurss „Novadmācība: mācību priekšmets, mācību metodes un paņēmieni” mūzizglītības programmā pedagogiem, izmantojot vārdnīcu kā vienu no iespējamajiem mācību līdzekļiem,

- mediju telpā vārdnīca tiek izmantota gan kā inspirējošs avots jauniem rakstiem un intervijām, gan arī kā tiešs informācijas un faktu avots.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТОВ «УМ (GUDRĪVA) – ГЛУПОСТЬ (MUĻĶĪVA)» В ПАРЕМИЯХ РУССКОГО, ЛАТЫШСКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ

Паремии (пословицы и поговорки) отражают национальное своеобразие языков, специфику образного мышления того или иного народа. Одновременно ряд паремий носит универсальный характер, встречается в разных языках. Одна из сложнейших задач - выявление причин подобного совпадения или расхождения, вопрос об этимологии паремий. Сопоставление паремий русского, латышского и немецкого языков позволило выявить множество единиц, идентичных как по форме, так и по содержанию, например: *слово – серебро, молчание – золото, runāšana – sudrabs, klusēšana – zelts, Reden ist Silber, Schweigen ist Gold* и др. Кроме того, ряд паремий имеет идентичное содержание во всех языках, но совпадает по форме только в двух языках, например, в латышском и немецком - *beigas labas, viss labs, Ende gut, alles gut* (ср. в русском: *конец – делу венец*); *Dieva dzirnas maļ lēni, bet labi, Gottes Mühlen mahlen langsam* (ср. в русском: *Бог долго терпит, да больно бьет*); в русском и латышском - *Тише едешь – дальше будешь - Lēnāk brauksi, tālāk tiksī* (ср. в немецком - *Eile mit Weile*) и др. Кроме того, паремии с идентичным значением могут встречаться только в двух языках, а в третьем - отсутствовать вовсе: *pret mājas zagļiem nav atslēgu - Gegen heimische Diebe gibt es keine Schlüssel; meliem ir īsas kājas - Lügen haben kurze Beine* и др.

Паремии принимают активное участие в формировании универсальных концептов «лень», «трудолюбие», «богатство»,

«бедность» и др., отражая ряд концептуальных признаков, релевантных для того или иного языка. Обратимся к анализу паремий, репрезентирующих концепты «ум» - «глупость» в русском, латышском и немецком языках. Сопоставительный анализ позволил выявить как общие, так и культурно-специфичные концептуальные признаки, при этом репрезентация того или иного признака может отсутствовать в одном или двух рассматриваемых языках. К общим концептуальным признакам во всех языках относятся, например, следующие:

- “ум женщины слабее ума мужчины”: *волос долог, да ум короток*; *gari mati, īss padoms*; *Lange Haare, kurzer Verstand* (*Weiber haben langes Haar und kurzen Sinn*);
- “дурная голова не дает покоя ногам”: *за дурной головой и ногам непокой*; *kas nav galva, tas ir kājās* (*Muļķa galvā kājām mieru nedod*); *Wer nicht Kopfhaut, der hat Füße* (*Was man nicht im Kopfe hat, muß man in den Beinen haben*);
- «дураки появляются без усилий»: *дураков не орут, не сеют, сами рождаются (дураков не сеют, не пашут, сами пляшут)*; *muļķus nekas ne sēj, ne ecēj, bet paši aug*; *Narren wachsen unbegossen*;
- „дурака можно узнать по смеху”: *смех без причины – признак дурачины*; *muļķi var pazīt no smiekliem*; *An vielen Lachen erkennt man den Narren* (*An vielen Lachen erkennt man den Narren*) и мн. др.

Культурно-специфичные концептуальные признаки, нашедшие отражение в одном или двух языках:

- “ум - высшая ценность”: *gudrība labāka par zeltu*; *Weisheit ist besser als Gold und Silber*;
- “дураку ума не прибавишь”: *kas akls, tam brilles neder*; *Wer nicht sehen will, dem hilft weder Kerze, noch Brill*;
- „ум (мудрость) дается свыше”: *всякая мудрость от Бога; Бог умом наградил* (ср. также: *Бог умом не наградил*);

- “ум важнее одежды”: по одежке встречают, по уму про-
вожают; *neskati vīru no cepures*;
- “умный глупого не поймет»: *simts gudru nevar vienam
muļķim atbildēt; kad muļķis runā, tad gudrais lai ausis aizbāž;
muļķis iemet akmeni ūdenī, desmit gudru neizvilks* и мн. др.

Как показал анализ, концептуальные признаки рассматриваемой группы характеризуются высокой степенью общности, однако образность паремий отражает культурно-специфические особенности.

Литература

1. Даль В. Пословицы русского народа.- М.: Олма – Пресс, 1999.
2. Kokare E. Latviešu un vācu sakāmvardu paralēles.- Rīga: Zinātne, 1988.
3. Latviešu sakāmvardi un parunas. – Rīga, 1983.
4. Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten. Wörterbuch der deutschen Idiomatik. Dudenverlag. Mannheim – Leipzig – Wien.

*Inguna Teilāne
Daugavpils University
Daugavpils, Latvia*

SEMANTIC PECULIARITIES OF EMOTIVE WORDS IN “DICTIONARY OF KALUPE SUB-DIALECT”

The author of the “Dictionary of Kalupe Sub-Dialect” is Antoņina Reķēna. The dictionary was prepared for publication by Doctor of Humanities Alberts Sarkanis; it was published in 1998. It is a relatively full-type dictionary of regional words.

Lexis is one of the main elements that render emotive information in a language. Alongside neutral words, which are

used in any speech situation, expressive lexis is used also in sub-dialects.

The content of emotional expressive information is actualized by the connotational components of lexical meaning, which convey the speaker's subjective, evaluative attitude towards the object, the addressee, or the setting of a speech event. Subjective evaluation may be positive – expressing praise, appreciation, delight, sincerity; and negative – expressing reproach, condemnation, derision.

In the present report words are considered taking into account the indicators of their emotionally expressive use: words with the shade of meaning of endearment, humour, disdain, irony, contempt, and vulgarity.

In the "Dictionary of Kalupe Sub-Dialect" the greatest group consists of words with pejorative and ironical expressivity; they are followed by lexemes marked with disdainful, vulgar, endearment and humorous expressivity.

Considering the belonging of emotive words to word categories, their division is the following: verbs (538), nouns (151), 7 adjectives, one pronoun and one adverb.

The author of the report has made an attempt to clarify which conceptual content is subjected to emotionally expressive evaluation most of all. The analysis of the excerpted material testifies to the fact that the richest expressivity is characteristic of: verbs *iet*, *aiziet* (*go, leave*), verbs with the meaning 'come, arrive', 'to use alcoholic beverages', 'speak', 'beat'; nouns denoting features of a person's character (usually condemnable) or appearance.

Expressive lexis does not only convey the speaker's subjective evaluation, but, probably, also influence the listener's perception of the situation in the way intended by the speaker, as well as make one's speech sound more individual. Supposedly, the possibilities of expressivity in Kalupe sub-dialect are much greater

than reflected in the dictionary since special indications in dictionaries are allocated only to words with objectively inherent expressivity.

*Фаина Анфимовна Тимошенко
Даугавпилский университет
Даугавпилс, Латвия*

**ПОЭТИЧЕСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С
КЛЮЧЕВЫМИ СЛОВАМИ *ЧАША-ВИНО*
В ПОЭТИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ РУССКОГО
И ЛАТЫШСКОГО СИМВОЛИЗМА
(НА ПРИМЕРЕ СТИХОТВОРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
ВАЛЕРИЯ БРЮСОВА И ЭДВАРТА ВИРЗЫ)**

Изучение языка художественных произведений начала XX века имеет давнюю традицию. Однако при всём многообразии исследовательских работ, в том числе и посвящённых языковым процессам, характерным для данного периода, эту тему нельзя считать исчерпанной.

Особенностью поэтического языка в сравнении с языком *обычным* (т. н. практическим, основная функция которого – функция коммуникативная) является доминирование эстетической функции. Реализация данной функции акцентирует внимание на самих языковых представлениях, в том числе и образно – семантических. В литературном произведении языковые единицы разных уровней являются продуктами художественного творчества и отличаются от узуальных единиц. Всё это в полной мере относится и к поэтическим фразеологизмам, которые не только номинируют объекты речи и передают их экспрессивно – эмоциональную окраску,

но и помогают автору отразить субъективное восприятие действительности.

Многовековая поэтическая практика предоставляет художнику своего рода *набор объектов уподобления*, т. е. *готовые семантические модели* поэтических фразеологизмов, автор же в поисках новых форм изображения *оживляет* стандартный образ с помощью разнообразных лексико – грамматических и семантических трансформаций общепоэтических штампов, а также за счёт актуализации значения в условиях определённого контекста.

В предлагаемой работе рассматриваются различные способы структурно – семантических трансформаций поэтических фразеологизмов с ключевыми словами *чаша - вино*, а также проводятся наблюдения за их взаимодействием с поэтическими фразеологизмами других семантико – синтаксических моделей, когда обновление традиционного образа происходит на основе ассоциативных связей между лексемами, что является, в частности, одной из отличительных особенностей поэтического языка символистов.

Как известно, символизм стремился к обновлению поэтического языка, чтобы выразить изменение мировосприятия при смене исторических эпох, когда культура из категории узконациональной становится категорией общеевропейской и общемировой. Поэтому особый интерес вызывает вопрос о взаимодействии традиционных общеевропейских образов с общенациональными, а также межнациональные взаимодействия как в контексте индивидуального творчества, так и в контексте отдельных литературных направлений.

В русской литературе с поэтикой символизма тесно связан ранний период творчества Валерия Брюсова, в латышской литературе – раннее творчество Эдварта Вирзы (сборники «*Viķeris*» (*Чаша / Кубок*) и «*Dievišķīgās rotaļas*» (*Божественные*

игры)). Несмотря на индивидуальную, национальную специфику и временную дистанцию: Брюсов вошёл в литературу в начале 90-х гг. XIX в., а первый сборник Вирзы увидел свет только в 1907 г. (для такого стремительно развивающегося направления, каким являлся символизм на рубеже веков, подобное временное отдаление представляется довольно значительным), в работах обоих авторов явно прослеживаются общие тенденции в попытках создания нового поэтического языка для передачи нового душевного опыта европейского человека. Новой поэзии требовалась перестройка на самых разных уровнях, данный процесс не мог не затронуть и поэтическую фразеологию. Кроме того, в этот период особое значение приобретает циклизация лирических произведений: темы, только намеченные в одном стихотворении, продолжают своё развитие в следующем, причём там же начинают взаимодействовать и переплетаться с другими темами, опираясь на всё более сложные трансформации поэтических фразеологизмов, которые в свою очередь связывают между собой целые циклы стихотворений в пределах одного или нескольких поэтических циклов и даже целых стихотворных сборников. Зачастую трансформированные поэтические фразеологизмы наследуются другими авторами и получают в их произведениях новую жизнь, а соответственно и новые возможности трансформации. Поэтический язык – категория весьма специфическая, поэтому количество потенциальных трансформаций может быть практически безграничным, так как они регулируются лишь законами развития языка.

Весь этот огромный запас новых поэтических формул, с одной стороны, служит содержательному обогащению создаваемых произведений, а с другой стороны, создаёт культурно – историческую преемственность произведений художественной литературы, в том числе и благодаря возможности восста-

новления структурно – семантических моделей поэтических фразеологизмов.

Структурно – семантическая модель – это инвариант по отношению к ряду фразеологизмов, составляющих определённую поэтическую парадигму. В роли семантического ядра, в котором содержится общее значение фразеологической модели, выступают ключевые слова, их роль очень весома как в формировании фразеологического значения, так и в создании образного потенциала.

Поэтические фразеологизмы с ключевыми словами *чаша* и *вино* представляют интерес как в силу своей традиционности не только в русской и латышской поэзии, но также в целом в европейской, так и в силу недостаточной, на наш взгляд, завершённости их исследования в контексте изучения поэтического языка. Кроме того, образы *чаша* и *вино* интересны в силу своей амбивалентности в европейских культурно-исторических традициях.

В исследуемых произведениях В. Брюсова и Э. Вирзы среди поэтических фразеологизмов с указанными ключевыми словами наиболее частотными являются поэтические фразеологизмы, восходящие к нескольким семантическим архетипам: *поэзия, любовь, страсть, мечта* и др. В ходе исследований достаточно подробно были рассмотрены также перифрастические выражения, обозначающие человека (поэта, женщину, мужчину), и выявлены как сходные, так и индивидуальные особенности трансформации традиционных поэтических фразеологизмов.

*Kristina Vaisvalavičienė
Vytauto Didžiojo universitetas,
Kaunas, Lietuva*

TAUTINĖS TAPATYBĖS KONSTRAVIMAS LIETUVIŲ IR LATVIŲ VAIKŲ ŽURNALUOSE (1920–1944)

Remiantis šiuolaikinės sociologijos teorijomis, tapatumo konstravimui, arba tapatumo naratyvo idėjos formavimui, didelę įtaką daro populiarioji ir medijų kultūra. Pasitelkus literatūros sociologijos teorines nuostatas, tyrime pristatomas lyginamasis požiūris į dviejų lietuvių ir latvių žurnalų vaikams – „Žiburėlio“ (1920–1944) ir „Latvijas jaunatne“ (1924–1940) – puslapiuose konstruojamą tautinės tapatybės modelį. Abu žurnalus leido giminiškos „Raudonojo kryžiaus“ organizacijos, tad ši institucinė priklausomybė leidžia žurnalus lyginti vienoje humanistinių vertybių plotmėje, kartu išryškinant ne tik nacionalinius savitumus, bet ir įvertinant tarpkultūrinės komunikacijos dėmenį. Remiantis šiuolaikinės postmoderniosios sociologijos teorijomis, tapatumo konstravimui, arba tapatumo naratyvo idėjos formavimui, didelę įtaką daro populiarioji ir medijų kultūra. Vaikų periodika kaip masinės kultūros reiškinys Lietuvoje ir Latvijoje įsibėgėjo tik XX a. tarpukariu. Vieni svarbiausių to laikotarpio vaikų periodinių leidinių tikslų – pripratinti jaunąjį skaitytoją prie rašytinio žodžio gimtąja kalba, užauginti naują, aktyvią, išlavintą visuomenės kartą, įsisąmoninusią savo tautos vertybes ir tautiniu pagrindu grįstą bendruomeniškumą. Šiame tyrime pristatomas lyginamasis požiūris į dviejų lietuvių ir latvių žurnalų vaikams – „Žiburėlio“ (1920–1944) ir „Latvijas jaunatne“ (1924–1940) – puslapiuose konstruojamą tautinės tapatybės modelį. Abu žurnalus ilgą laiką leido giminiškos, tarptautinio bendradarbiavimo patirtį

turinčios, „Raudonojo kryžiaus“ organizacijos, tad ši institucinė priklausomybė tyrinėtoji leidžia žurnalus lyginti vienoje humanistinių vertybių plotmėje, kartu išryškinant ne tik nacionalinius savitumus, bet ir įvertinant tarpkultūrinės komunikacijos dėmenį – nacionalinės kultūros sugebėjimą arba nesugebėjimą atsiverti kitai kultūrai.

Tyrimui pasitelktos literatūros sociologijos teorinės nuostatos, leidžiančios viename tyrime apjungti literatūrinius ir neliteratūrinius tekstus, nusakyti adresanto ir adresato santykį, įvertinti galios ir ideologijos dėmenis.

XX a. tarpukaris tiek Lietuvoje, tiek Latvijoje buvo nepriklausomų valstybių kūrimo ir įtvirtinimo laikotarpis, tačiau Lietuva, skirtingai nei Latvija, per šį laikotarpį patyrė skausmingą Lenkijos okupacinę agresiją – per visą XX a. pirmojoje pusėje trukusį Lietuvos nepriklausomybės dvidešimtmetį, Lietuvos sostinė Vilnius tik apie tris metus (nuo 1918–1920 m. ir nuo 1939–1940 m.) egzistavo kaip reali sostinė. Kalbos bei kultūros suvaržymai iki valstybingumo atgavimo bei pakartotinis bandymas užgniaužti Lietuvos istorinę atmintį jau nepriklausomoje valstybėje išprovokavo lietuvių sąmonėje gynybinį nacionalizmą, dėl šios priežasties nacionalinis dėmuo lietuviškajame žurnale yra daug ryškesnis ir deklaratyvesnis, nei paraleliniame latvių žurnale. Tuo tarpu latviškame žurnale labiau dominuoja Raudonojo kryžiaus skelbiamos globalinės humanistinės konsolidacijos idėjos.

Nacionalinės tapatybės elementai aptariamuose žurnaluose dažniausiai konstruojami per semantinę opoziciją *savas* ir *kitas*, tuo tarpu opozicinis dėmuo *svetimas*, turintis ne tik *kito* reikšmę, bet ir neigiamą konotaciją, dažniau yra taikomas nepageidaujamoms ydoms (tinginystei, neįautrumui, žiaurumui) išryškinti.

KAUNAS HENRIO PARLANDO EILĖRAŠČIUOSE

Henry Parlandas (1908-1930) – suomių – švedų rašytojas modernistas, paskutiniuosius savo gyvenimo metus praleidęs Lietuvoje. Viešėdamas Kaune, pas savo dėdę Vosylių Sezemaną, Parlandas įsiliejo į lietuvių modernistų ratą. Lietuvojeėjusiuose periodiniuose leidiniuose jis parašė penkis užsakomuosius straipsnius apie švedų, suomių literatūrą, modernistinį karo romaną. Parlandas Lietuvoje kūrė eilėraščius ir parašė vienintelį savo romaną „Sudužo“.

Būdamas gyvas, Parlandas sulaukė 1929 metais vieno savo eilėraščių rinkinio paskelbimo „Idealų išpardavimas“. Kiti kūrybos rinkiniai, kuriuose skelbti Parlando eilėraščiai, išleisti jau po rašytojo mirties: „Ātersken“ („Atspindys“), 1932 metais, „Hamletsadedetvackrare“ („Hamletas tai pasakė gražiau“), (red. OrcaParland,) 1964 metais. 2004 metais, Lietuvoje pasirodė poeto Petro Palilionio sudaryta Parlando kūrybos rinktinė „Pavasaris Kaune“, kuriame išversti 66 Parlando eilėraščiai.

Viešėdamas Kaune, rašytojas nenustojo kūręs. Jis parašė eilėraščių, kuriuose aktuali tampa kosmopolitinio mieto tematika. Svarbus tampa miestas, kaip talpinantis savyje įvairiakultūrę aplinką. Taip pat Kaunas suvokiamas kaip konfrontacijos erdvė, kurioje harmoniją ir idilę griauna *miestietiškumo* vizija.

Parlando eilėraščiuose Kauno erdvė suvokiama pagal trejopą individo suvokimo struktūrą: čia matyti kultūros plėtojimo vaizdiniai, kurie sukuria vienybės išpūdį, akcentuojamas patriotizmo jausmas, išikūnijęs Kauno erdvėje; prie Nežinomo kareivio kapo parodomos „kito“ ir lyrinio subjekto bendradarbiavimą, tarpusavio ryšys, gebėjimas paveikti, „aš“ susivokimą, savo jausmus, o

kreipinys „tu“ į kitą, įspėjant saugotis civilizacijos ir gamtos kovos pasekmių, atskleidžia lyrinio subjekto žvilgsnį į „kitą“ kaip į tą, kurį reikia perspėti, apglėbti *mokytajišku* rūpesčiu.

Kaunas suvokiamas kaip kitas kultūros priimantis, leidžiantis joms pasireikšti, miestas. Kaune susipina ir drauge gyvuoja įvairių tautų laisvės idėjos, kurios suvienijamos mieste. Kaunas – tai atviras skirtingoms tautoms, kultūroms, idėjoms, kovoms, materijoms miestas, gebantis savyje jungti visas šias skirtybes ir jas suvienyti apie savo simbolius.

Vijolė Višomirskytė
Vytauto Didžiojo universitetas,
Kaunas, Lietuva

MAIRONIO KAIP *GENUS LOCI* VAIZDINYS LIETUVIŲ ESEISTŲ KŪRYBOJE IR J. BRODSKIO *LIETUVIŠKAME DIVERTISMENTE*

Akstina kalbėti apie Maironį kaip *genius loci* davė J. Brodskio „Lietuviško divertimento“ pirmoji strofa, kurioje minima poeto statula, netiesiogiai kalbant apie Maironį. Brodskio tekstas labai taikliai užčiuopia Maironio kaip *genius loci* vaizdinį lietuvių vaizduosenoje.

Maironio kaip *genius loci* vaizdinys lietuvių eseistikoje yra susijęs su tuo, kad pats Maironis savo eilėraščiuose siekė iššaukti, sukurti, užrašyti vietovės dvasią, savo kuriniais kūrė *genius loci*. Beveik visi Maironio pasirinkti aprašyti objektai yra materialūs ir nematerialūs gamtos, architektūros, kultūros paminklai (kai kurie jų yra nykimo būsenoje). Maironis apostrofuodamas, juos sugyvena, pasikalbėjęs su paminklu, pats tampa paminklu (statula) ir tos vietovės dvasia (aura). Kitų lietuvių poetų raštuose tokio stipraus

paminklų įpoetinio nerasmine. Maironis kaip angelas sargas (krikščioniški angelai sargai perėmė dalį romėniškų vietovę saugančių dvasių savybių) aprašo juos, o kituose eilėraščiuose ir pats kreipiasi į savo angelą sargą, pats jaučiasi kaip visų apleista Trakų pilis: „Aš toks silpnas ir vienas“. Poetas, suburiantis, sukuriantis solidarumą, bendruomeniškumą, „harmonizavęs lietuvių kultūrą iš vidaus“ labiausiai vienišas. Ši Maironio vienišumą ir apleistumą pabrėžia beveik visi eseistai. Paradoksaliau, tačiau Maironis tampa *genius loci* dėl to, kad remiasi vakaru, o ne lokalia poetinės kalbos tradicija, dėl to, kad išeina už lietuvių kalbos, literatūros, kultūros ribų, atsitraukia ir sugrįžta. Tai, kad Maironio poetinės šaknys yra vakaruose pabrėžia ne vienas eseistas. Be to, daugelis akcentuoja ir atsitraukimą arba išstūmimą. Tekstuose ryškus noras priartėti prie Maironio, jį priartinti, bet kartu reflektuojamas ir jo neprieinamumas, o tai viena iš auros išlaikymo sąlygų. Skaitant šiuos tekstus kartu išnyra stiprus Maironio, kaip lietuvių literatūros ir kultūros auros, vaizdinys – „šešėlis, kurs bėga greta“.

Indrė Žakevičienė
Vytauto Didžiojo universitetas,
Kaunas, Lietuva

TAPATUMO PROBLEMA EKOKRITIKOS IR BIOREGIONALIZMO ASPEKTU

Svarbiausias pranešimo tikslas – išsiaiškinti „bioregiono“ apibrėžtis ir aptarti ekokritikos ir bioregionalizmo atveriamas perspektyvas tapatumo problemai spręsti, pasitelkiant ekokritikų išryškintą erdvės ir vietos priešpriešą, sudarančią prielaidas svarstymams apie galimybę perskaityti ir užrašyti artimiausią ir plačiąją aplinką. Pirmiausia vertėtų aptarti kertinius bioregionalizmo

teiginius, nusakančius santykio su vieta svarbą. Bioregiono sąvoka buvo minima jau 1973-aisiais, Jungtinėse Amerikos Valstijose, o kaip konkretus terminas įteisinta 1976-aisiais, Peterio Bergo ir Raymondo Dasmanno straipsnyje „Vėl apgyvendinant Kaliforniją“. Šis terminas suprantamas kaip keliasluoksniis, ypač akcentuojami savose vietose gyvenančių žmonių jausmai, nusakantys santykį su namais plačiaja prasme ir atveriantys galimybes tapatintis su atitinkamu regionu mėginant jį praturtinti savo buvimu. Vis dėlto bioregionalizmo šalininkai nuolat akcentuoja sąlygiškai vadinamąjį kultūrinį polių. Svarstant vietos ir bioregiono tapatumo galimybę, dėsningai išryškėja dar vienas įdomus klausimas – ar vadinamasis bioregionas analogiškas vietai. „Gali būti sudėtinga apibrėžti individualiai suvokiamą bioregioną, nes jis nuolat kinta priklausomai nuo mūsų taikomų atitinkamų skirtingų kriterijų skirtingiems tikslams pasiekti. Bioregioną galima apibrėžti žvelgiant iš kultūrinio ir dvasinio rezonanso perspektyvos, politinės situacijos rakursu ar kaip kitaip. Priklausomai nuo skirtingų perspektyvų ar pozicijų, individualus bioregionas bus mažesnis arba didesnis“². Išėitų, jog mąstant globaliai, bioregionu galima laikyti savo šalį; mąstant lokaliai – savo sodybą ar kvartalą; viskas priklausys nuo gebėjimo tapatintis su aplinka, vadinasi, ir nuo tos aplinkos pažinimo lygio – nepažinęs nesusitapatinsi. Kultūrinis ir dvasinis rezonansas vis dėlto turėtų būti esminis rodiklis, aiškinantis tapatumo vietai klausimą, vadinasi, ir bioregiono sampratą validumą. Atsižvelgus į visus paminėtus bioregionalizmo apibrėžimus, galima daryti išvadą, jog atitinkamas dvasinis rezonansas galėtų būti vietos, tapačios bioregionui, laidas. Teliėka nustatyti, ar konkrečiame (bio)regione gyvenantys žmonės jaučia šį rezonansą ir geba skaityti savąją vietą, suvokdami esantys neatskiriama plataus menamo tinklo dalis.

² Frank Traina, „What is Bioregionalism?“, in: *Perspectives in Bioregional Education*, prieiga internetu: http://www.earthandspiritcenter.org/Course%20pdfs/Class%204_What%20is%20Bioregionalism_Frank%20Traina.pdf. (Žiūrėta 2010 11 10).

Балтийские языки и литературы в истории и в современном мире : **международная научно-практическая конференция** : тезисы / Baltų kalbos ir literatūros istorijoje ir dabartyje : **tarptautinė mokslinė praktinė konferencija** : tezės / Baltu valodas un literatūras pagātnē un mūsdienās : **starptautiska zinātniski praktiska konference** : tēzes / Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. Литовский эдукологический университет. Институт литовского языка ЛАН. Даугавпилсский университет, Ассоциация балтистов ; [составители О. В. Синёва, Г. Кундротас, С. Полковникова; под общим руководством проф М. Л. Ремнёвой). – Вильнюс : Литовский эдукологический университет, 2013 – 100 с.

ISBN 978-9955-20-890-7

Redagavo *autoriai*

Maketavo *Donaldas Petrauskas*

Viršelio autorė *Dalia Raicevičiūtė*

SL 605. 6,25 sp. I. Tir. 80 egz. Užsak. Nr. 013-119
Išleido ir spausdino Lietuvos edukologijos universiteto leidykla,
T. Ševčenkos g. 31, LT-03111 Vilnius
Tel. +370 5 233 3593, el. p. leidykla@leu.lt